МАРИЭТТА ШАГИНЯН

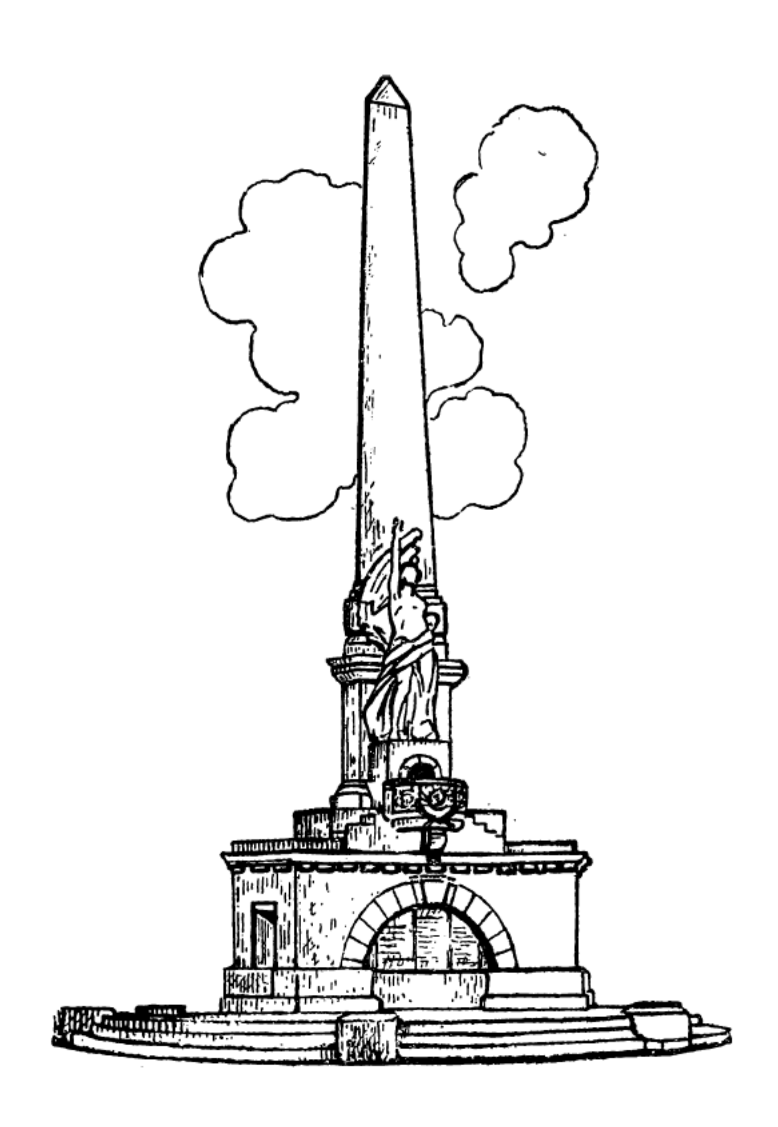
ДНЕВНИК ДЕПУТАТА МОССОВЕТА

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

ДНЕВНИК ДЕПУТАТА МОССОВЕТА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ МОСКВА 1936

Глава I

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В нашу депутатскую практику введена обязанность — отчитываться несколько раз в год перед избирателями. Формы отчета могут быть разными в каждом отдельном случае, но ясно для всех: отчитаться в своей работе, объяснить ее цель и суть своим избирателям мы никак не сможем без того, чтобы не рассказать наперед об отличительных чертах всего нашего созыва, о новых особенностях всей работы Совета, об изменении характера и объема депутатских обязанностей.

Мы представляем собою особенный, исторический созыв — последний перед новою Конституцией, которая должна расширить не только избирательные права, но и депутатскую деятельность. Это придает нам черты «переходности» и помогает лучше разглядеть нарождающиеся изменения. Поэтому правильно указать на эти изменения, правильно отчитаться в работе полезно не только для сегодняшнего, но и для завтрашнего дня.

Старые депутаты, имевшие опыт прошлых созывов, говорят в один голос, что нынче работа изменилась. Как она изменилась? Раньше обязанности

депутата были как будто шире и разбросанней, число секций меньше, но в то же время каждый депутат был формально прикреплен к своему участку работы. На его билете ставился штемпель секции, и, например, депутат здравотдела, в случае уличного происшествия, не считал себя в праве вмешиваться в дела транспорта — у него было своего рода «ведомственное» чувство секции.

Сейчас, наоборот, секций стало больше, обязанности депутатов уточнились, они продолжают уточняться даже в пределах одной секции, но «ведомственное» чувство у депутата исчезло.

Взять хотя бы секцию культуры. Чтоб точнее вести работу, она за короткий срок выделила две новые — школьную и по борьбе с детской безнадзорностью. Казалось бы, задачи специализировались. Но каждый общий пленум ставит выделенные вопросы настолько широко, что захватывает в их круг и других депутатов. Секция по борьбе с безнадзорностью вовлекла людей искусства, парки отдыха и культуры, школьников, домоуправления, транспорт, вокзалы. И хотя ее с тем и выделили, с тем и уточнили, с тем и людей за ней закрепили, чтобы именно в ней сосредоточить конкретную работу, но самое это выделение и уточнение привлекло к борьбе с безнадзорностью *всеобщий* интерес, заставило *каждого* из нас почувствовать и свою долю ответственности, раскрыло общегосударственное значение этого дела.

Такое изменение в стиле депутатской работы нашло себе и организационное выражение: хотя депутат уточнил сейчас свое дело больше, чем в прошлые созывы, но *штемпель на его членском билете отсутствует*. Членский билет больше не указывает секции, где работает депутат, и это как бы не ограничивает его прав на вмешательство

в любой вопрос, хотя бы и выходящий за рамки его секции.

Вначале такая широта возможностей влияла на меня в сторону разбрасывания. Записавшись в секцию культуры, я выполнила обследовательскую работу по секции здравотдела (со статьей в «Правде» о психиатрии); выполнила обследовательскую работу по школьной секции (обследование школы № 21 БОНО); попыталась в секции общественного питания поднять вопрос об организации вегетарианских столовых (с передовой в «Правде» о вегетарианской столовой). Но углубиться в каждое из поднятых дел я не смогла, и они стали как бы «издержками» первых месяцев моей депутатской деятельности. Правильная работа по душе была нащупана уже позднее.

В секции культуры есть группа высшей школы. В ней около тридцати членов, из них несколько директоров высших школ, девять профессоров, один академик, крупные преподаватели и заведующие кафедрами, учащиеся. К этой группе примкнула и я.

И опять не обойтись без истории, прежде чем итти дальше. Не один только характер работы депутата изменился. В прошлом не существовало «секции культуры», и это было далеко не случайно. Вопросы хозяйственные, то, что мы включаем в понятие «коммунхоз», преобладали в Моссовете. Нужно было в первую очередь устраивать материальную сторону городского учреждения. Будь то университет, или театр, или больница — они оборачивались к депутату Моссовета со стороны своих материальных нужд: топливо, транспорт, ремонт, жилплощадь — вот о чем нужно было заботиться в первую голову. Но чем энергичнее перестраивалась Москва, чем ближе подходила она к грандиозному плану реконструкции, тем явственнее становилась связь между запросами

материальными и — техническими; техническими и — методологическими; методологическими и — идеологическими. Две пятилетки, метро, план перестройки Москвы так заострили и подняли вопросы метода, что самый объем работы депутата (а не только характер!) уже изменился. Органически родилась необходимость секции культуры. И органически вплелись в деловые и «коммунхозные» работы Моссовета вопросы более сложного порядка, вопросы надстройки.

Я это остро почувствовала на первых же порах своей депутатской деятельности. Обследуя школу № 21 БОНО (для глухонемых и тугоухих), я натолкнулась в ней на борьбу между старой и новой методикой, старыми приемами преподавания и новой техникой и должна была все свое обследование строить именно на факте этой борьбы. Почему? Потому что именно эта борьба повела к разрухе в школе, и материально помочь школе, не разобравшись в этой борьбе, оказалось невозможным.

Дальше. Обследуя психиатрическую больницу, я точно так же наткнулась на тесную связь ее материальных дефектов (слабой технической оснащенности, неимения лабораторий, тесноты и недостаточности мастерских) опять же с устаревшей методикой лечения и поставила в «Правде» проблему психиатрии как раз с этой стороны, со стороны обновления и революционизирования методики.

Решать сейчас вопросы материальной помощи без учета вопросов техники и методики почти нельзя, и это бесконечно расширяет творческую деятельность депутатов, открывает перед ними далекие горизонты.

Мой избиратель поймет теперь, почему я, примкнув к группе высшей школы, решила заниматься не только вопросами благоустройства студенческого городка и канализации, а и обследовать в вузах и втузах, как идет разработка вопросов методики программ, и, быть может, в будущем связать эту новую форму депутатского обследования с работой комитета по ВТО (высшему техническому образованию) и с Наркомпросом.

Глава II

УРОК СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

В самом начале депутатской деятельности нас ждал один урок, без которого мы не смогли бы правильно работать. Расскажу, как получила этот первый урок я сама.

Нам, депутатам, роздали на руки толстый том «Добавлений к наказу МК ВКП(б)». Туда вошли, правда, не все добавления (их было много тысяч); но основные нужды московских районов, о которых говорилось на выборных собраниях всех учреждений, заводов, фабрик, жактов, были в нем более или менее охвачены. Я, разумеется, прочитала этот том еще до первого пленума нашей секции, да, кроме того, из личной беседы с собственными избирателями (работниками Центрального телеграфа) уже знала о нуждах телеграфа. Но когда все мы, новые депутаты, собрались в торжественную и нарядную залу на первый пленум, мне все эти житейские и как будто мелкие нужды показались вдруг вовсе не главным делом для депутата, а второстепенным и несущественным; главным же делом уж, наверное, должно было быть нечто большое, самостоятельное, оригинальное, нечто еще не оформленное, но, несо·

мненно, присутствовавшее тут, в этом собрании, где несколько сот людей самых почетных и творческих профессий получили власть создавать и творить.

Оглядываясь вокруг, я видела сказочных участников прошлых и недавних больших событий. В секции культуры собрались крупнейшие ученые с мировым именем, герои Советского союза, большевики с большим стажем. Из писателей тут были М. Кольцов, Д. Бедный, Ф. Гладков. Представим себе на минуту, что мы где-нибудь в парламенте и весь этот «цвет нации» будет сейчас говорить с трибуны... Как прозвучало бы это? Как выступили бы эти люди на фоне обычного буржуазного демократизма?

Тот, кто насчитывает у нас свыше четырех десятков лет, кто помнит выступления депутатов в Государственной думе и знаком с европейскими говорильнями хотя бы по газетам, может легко ответить на такой вопрос. Буржуазный демократизм показал бы нам своих депутатов во всей силе их красноречия, в блеске имени, в полемическом задоре. На трибуне видели бы их, в зале хлопали бы им, в стране говорили бы о них, хорошо ли, талантливо ли, умно ли каждый из них действует и представительствует, а кого он представляет, это тоже восприняли бы только как одно из его личных качеств, одну из черт его персональной характеристики. Недаром парламент для англичанина, палата депутатов для француза, «покойный» рейхстаг для немца (за вычетом членов компартий) были и являются главной ареной личного выдвижения, личной карьеры, лестницей честолюбия и самым желанным способом преуспеть — во всех житейских смыслах, вплоть до выгодной женитьбы.

Ничего похожего на подобный «демократизм» у нас, конечно, быть не могло. Но остаток старого

представления о роли депутатов кое в ком из нас еще сохранился. Он сохранился хотя бы в виде тайной мечты о своем собственном прожектёрском выступлении, с каким мы вошли в залу Моссовета. И первое, что произвело на меня очень большое, хотя вначале не совсем понятное впечатление, это была какая-то естественная группировка людей, какой-то отбор по неясному еще для нас признаку, отбор на пассивную (в данный момент) и ведущую группу депутатов. В ведущей группе мы увидели как раз не самые блестящие имена, не самые многообещающие профессии, а людей, имевших нечто между собой схожее: стаж депутатской работы, «моссоветский» опыт и его технику. В чем заключается этот опыт и эта техника, мы поняли не сразу.

После отчетного доклада стали выступать депутаты. Отчетный доклад состоял из подробного разбора добавлений к наказу, из характеристики этих добавлений по группам и попытки выделить и оттенить перед нами основные из них. А выступления большей частью шли мимо доклада. Некоторые из них были обдуманы раньше, к ним депутаты заранее подготовились; другие возникли по поводу (но не по существу) доклада. Например, крупный скульптор, узнав из отчетного доклада о массовых заявках избирателей на скульптуру в быту и в общественных местах, произнес горячую речь не о том, как пойти этим заявкам навстречу, а о недочетах быта самих скульпторов, об их требованиях к городу.

Чем больше мы слушали выступлений, тем расплывчатей и бесформенней представлялась нам наша будущая работа. И вот слово взяла Надежда Константиновна Крупская.

Затаив дыхание, мы глядели на знакомые черты

спутницы Ильича. Заговорила Надежда Константиновна очень тихим голосом о совсем простых вещах. Сапоги для школьника, трамвайные висуны, где открывать ясли — по месту жительства или службы... Одна за другой перед нами в живых образах и простых словах проходили реальные нужды реальных людей, не одного или двух, а массы людей, но проходили совсем не так пестро и случайно, как мы прочли в «Добавлениях к наказу». Надежда Константиновна сумела сразу захватить наше внимание двояким образом, примерно так, как очень большой ученый двояко захватывает вас при показе какого-нибудь опыта: и самим опытом, и его методикой.

В речи Крупской мы тоже получили сразу и содержание речи, и ее методику. Содержание речи ввело в залу главное действующее лицо нашего собрания — реальную массу избирателей и ее интересы. А методика речи ввела нас самих в тот великий ленинский стиль работы, в ту культуру настоящего большевизма, которая заключается в умении чувствовать себя неотрывно от массы, в умении видеть и слышать ее нужду как свою нужду, ее интерес как свой интерес.

По мере того как говорила Крупская, «мелкие» вещи стали выстраиваться звено за звеном в очень крупную и большую вещь, которую надо суметь сделать всерьез. Крупная и большая вещь — это не только жизненные интересы миллионов пославших нас сюда с тем, чтобы мы эти жизненные интересы чувствовали, осязали, защищали, осуществляли, как свои. Нет, это еще и нигде в мире небывалая возможность осуществить эти интересы! И в этом, в полной возможности осуществления действительных интересов массы, нас выбравшей и сюда пославшей, и ле-

жит подлинный советский демократизм, и лежит коренная, принципиальная разница между буржуазной говорильней и нашим Советом, между обликом и ролью буржуазного депутата и нашего депутата.

Речь Надежды Константиновны Крупской и была для нас первым уроком советского демократизма, показавшим, как надо вести нашу работу и в чем секрет моссоветской техники.

Расходясь, мы уже более опытными глазами глядели на своих товарищей. Уже мы могли понять тайну группировки на «ведущих» и «более пассивных» и различить в манере, в повадке, в характере выступлений «ведущих» депутатов, ставших позднее председателями отделов и бригадирами групп, ту вдумчивую внимательность к мелочам, то тихое и неутомимое преследование большого в малом, какие отличают нашего советского демократа от беспочвенных и бессильных демократов буржуазии.

Глава III

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ

Работа каждого депутатского созыва имеет свою «высо́тную точку».

Мы часто встречаем в отчетных речах депутатов прошлых лет такие фразы: «Мне довелось быть в созыве первой пятилетки» или: «Я горжусь тем, что принадлежу к созыву метро». Это не значит, конечно, что весь созыв был посвящен постройке метро и никаких других работ у него не было. Но это значит, что метро высилось над другими делами и своей грандиозностью, новизной, объемом задач неизбежно накладывало известный отпечаток на все остальное. Ведущая работа имеет первоочередность, для нее ускоряются темпы, нажимаются кнопки, снимаются люди, повышается снабжение, к ней приковано наибольшее внимание, и если эта работа обнаружит какие-нибудь отличительные организационные достоинства, если в ней люди наживут особые драгоценные навыки, умение скоро и споро действовать, умение выдержать качество, то по ней, по ее опыту, как в военном деле по опыту больших кампаний, строят рабочую тактику и стратегию для последующих крупных работ.

Так создается у нас культура социалистического труда.

Какова же, спрашивается, высо́тная точка нашего созыва? И чем мы будем в свою очередь гордиться, когда станем вспоминать свое участие в этом созыве?

Высо́тную точку у нас определил один неожиданный летний вечер.

Обычно оповещение о пленуме дается заблаговременно. Депутат письменно или по телефону узнает, что пленум состоится тогда-то, и у него есть время разгрузить этот час от других занятий. Но в летний вечер, о котором идет речь, многие депутаты были уже в отпуску, а другие, ничего не подозревая, расхаживали по своим делам, так как никаких оповещений никому не было послано.

Выдался и у меня горячий день. Я моталась из Союза писателей в Дом Герцена. Из Дома Герцена в Гослитиздат, в редакцию «Красной нови», и от усталости то там, то сям задерживалась на лестнице, чтоб поболтать со знакомым писателем, потому что трата времени на пустяки, на никчемные разговоры, на пассивные застревания в пути — обычно происходит с человеком в конце большого нервного подъема, когда он устал и не умеет собрать себя. И чем больше у меня «разбазаривалось» время, тем отчаянней звонил телефон во все те места, где я побывала. Ответ был один и тот же: «Только что ушла». Сильно запоздав, на закате, доплелась я, наконец, до своей квартиры и еще с лестницы услышала, как мне кричат: «Скорей, скорей! Из Моссовета тебя разыскивают уже три часа! Идет объединенный пленум с МК! В клубе Наркомвнудела! Беги, еще поспеешь!»

И необычайность тона, и необычайность места для

пленума, и объединенность его с Московским комитетом партии сразу показали, что пленум из ряда вон выходящий. Усталость как рукой сняло. И такой мгновенный возврат работоспособности, мгновенное аккумулирование скрытых внутренних запасов энергии произошли не только со мною. Казалось, весь клуб Наркомвнудела аккумулировал эти внутренние запасы.

Депутаты, еще вчера доживавшие кое-как последние дни работы перед отпуском, жаловавшиеся на то, что им «невмоготу», сейчас до неузнаваемости праздничные, приподнятые, оживленные, переполняли огромный зал и толпились в кулуарах. Я попала в середину пленума. Передо мной, на трибуне, светилась пестрыми яркими звездочками карта Москвы. Человек, стоявший возле нее, вскидывал голову, тень его мягкого профиля, знакомого каждому москвичу, перебегала по стене, жестом дирижера он поднимал палочку, и звезды на карте, словно инструменты в оркестре, начинали каждая свою партитуру в исторической симфонии, называвшейся «Доклад т. Булганина о реконструкции Москвы».

Этот многочасовой доклад звучал сказкой. Сказочные цифры вставали и обволакивали сознание. Десять лет, словно десять мраморных ступеней, вели нас в волшебную Москву.

Каждый москвич знает сейчас содержание булганинской речи, знает, что Москва за десять лет должна увеличиться в два с половиной раза, что высокая, самая сухая пригородная зона, юго-западная (Кунцево), станет продолжением города, люди получат 14 млн. квадратных метров добавочной жилой площади. Яуза и Москва-река станут полноводными, берега их оденутся в гранит и мрамор, дворцы набережных отразятся в воде, два канала прорежут го-

род, и пятьсот тридцать новых школ впитают детвору и т. д. и т. д. Не стоит поэтому ее снова пересказывать. Факт тот, что в этой речи наш «созыв» получил свою «высотную точку» — десятилетний план реконструкции Москвы.

Почти все хотели высказаться по докладу. Записалось так много народу, что прения перенесли на следующий вечер. Захотелось и мне высказаться. В общих чертах речь моя была уже готова, но произнести ее не пришлось. А когда я сейчас просматриваю ее набросок, мне ясно, что на эту речь повлияла не только «симфония Булганина», но и обстановка, в которой эта симфония прозвучала, то есть клуб Наркомвнудела.

Покуда на трибуне рождались слова о будущем, обстановка, нас окружавшая, говорила о настоящем. Клуб Наркомвнудела очень хорошо выстроен, и не только в одном строительном отношении. Выходя покурить, странствуя в перерыв по клубным помещениям, депутаты любовались добротностью деталей, чудесным качеством отделки, подбором цветов и орнаментов на потолке, стенах, карнизах, строгим изяществом электрической арматуры. Каждая мелочь говорила о заботливом вкусе. Депутат невольно сравнивал эту добротность с тою халтурой, какую приходится иной раз видеть у нас, — с чудовищно уродливыми стандартами дверей и окон, со шпингалетами, напоминающими не тот предмет, какой они обозначают, а воровскую кличку хулигана «Васька-шпингалет», замазкой, осыпающейся с окон, краской, вызывающей раздражение роговицы, отсутствием форточек, «чтоб не портить фасада», — и депутат думал про себя: «А ведь если захотим, отлично умеем строить! И неверно, что материала нет, вот он, есть материал, первый сорт!»

Но за этим чисто строительным впечатлением следовало другое, более глубокое. Мелочи отделки, совершенство вкуса, высокое качество объединяются в клубе Наркомвнудела чем-то общим, ярко просвечивающим сквозь всю постройку. Это «общее» можно назвать стилем того людского коллектива, для которого постройка предназначена. Мы этот стиль уже безошибочно узнаем, и не только в стройке, в стадионе, в оркестре, в кожевенной мастерской, но и в людях. Когда, например, в вагоне трамвая человек встает и уступает место старушке или старику, нам нет надобности даже глаза поднять на его воротник, и мы уже внутренне, шестым чутьем, мы в запахе ремня и сукна угадываем, что это он—чекист или наш красный командир, воспитанник Красной армии. А ведь в Германии перед эполетами лейтенанта вскакивает в вагоне женщина, и лейтенант садится!

Но коллектив только тогда создает свой стиль, и этот стиль становится заразительным и воспитывающим для других, когда сам коллектив внутренне спаян, держится не снаружи — формальной вывеской профессии, а изнутри — глубоким творческим единством работы и быта.

Невольно, разглядывая детали клуба, я вспоминала постройки и здания другого коллектива — нашего, писательского. Вспоминала аляповатую купеческую роскошь, загроможденную антикварными вещами, в нашем клубе писателей на улице Воровского; и рядом с нею двухлетнюю халтуру того деревянного строительства на болоте станции Переделкино, которое зовется у нас «недоделкинским городком писателей».

Таких недоделкинских поделок много в Москве. Отчасти виноваты в них сами коллективы, для кото-

рых эти недоделки производятся,— коллективы рассеянные, равнодушные, разобщенные, ленивые, плохо воспитанные, да, плохо воспитанные за девятнадцать лет учебы в школе социализма!

Вот для таких коллективов общий план реконструкции Москвы может и должен стать курсами по подъему общественной квалификации. Он должен заставить каждую организацию захотеть строить хорошо, добротно, с учетом всех жизненных потребностей в настоящем и неизбежного культурного развития в будущем, строить с самолюбием, с острой неохотой оказаться «бельмом» на сверкающем глазу красавицы-Москвы. А где, скажем, самолюбие моих товарищей-избирателей, связистов, когда им строят-недостроят много лет общежитие для втуза, и они, не краснея, выносят такое положение вещей?

Вот о том, чтобы коллектив, сам коллектив, не мог вынести такого положения вещей; чтоб он интересовался, как живут и работают на его стройке рабочие; чтоб ему не смели недостраивать или подносить халтуру или очки втирать начальники строек; чтоб он имел, наконец, свой собственный стиль в быту и работе и этот стиль неизбежно отражался бы в любой постройке, которую для него воздвигают,— о таком воспитании коллектива на великой работе по реконструкции Москвы я и собиралась говорить в своей непроизнесенной речи на пленуме.

Глава IV

О БИБЛИОТЕЧНОМ ДЕЛЕ

Последний, важный пленум секции культуры за истекший 1935 год был посвящен библиотечному делу.

Прежде чем рассказать о нем, я хотела бы воскресить перед моим избирателем основные этапы жизни того организма, который мы называем «библиотекой». Это еще и потому необходимо, что сейчас библиотека вступает в новую историческую полосу своего развития: она превращается в очень большое и ответственное дело. О библиотеке публикуется специальное постановление ЦИК СССР. Доклад о ней ставится на повестку дня Моссовета. Заглянем же в ее прошлое.

До революции читать книги на языке библиотекаря означало: выдать книгу по номеру, записать выдачу, получить обратно, выдать другую. С того времени дожил до нас и термин «книгохранилище», совершенно не говорящий о живом назначении книги. Каталог в старых библиотеках был подобен шкатулке с лотерейным билетом. До сих пор помню фамилию французского романиста Абу; этот Абу очень «шел». Карточки фамилий на «Я», «Ц», «Ш»

выглядели в каталоге гораздо чище, до них добирались уже утомленно, книги авторов с именами на эти буквы были менее зачитаны. Случайность — вот что характеризовало дореволюционное библиотечное чтение для огромного большинства людей.

Революция вместе с людьми сняла с насиженных мест и книгу. Первыми тронулись в путь роскошные золотообрезные «частновладельческие» книги, в тяжелой тисненой коже, из глубины прохладных ореховых и дубовых шкафов. Их свозили отовсюду, во всей их новизне и незачитанности, из усадеб, особняков, княжеских дворцов. Потом полетели «изъятые» книги, многочисленные рокамболи и пинкертоны, с выдранными страничками объяснений в любви. Даже и до сих пор наши книжные палаты и областные библиотеки получают ящики с сюрпризами, на вскрытие которых слетаются ученые институты, музеи, ВОКСы, — забытые книги с каких-нибудь совхозных или монастырских чердаков. Все это «старое наследство» разбирается, классифицируется, пачками отправляется туда, куда нужно.

Но кто же классифицирует и разбирает книгу? За несколько первых лет революции библиотекарь прошел естественную политическую школу. Если книга сдвинулась и полетела, то и он сдвинулся в ее распознавании. Уже не только по отделам, по языкам, по фамилиям — библиотекарь научился понимать книгу по степени ее внутренней нужности для советского читателя. Он узнал в своем деле, как узнали другие работники в своих областях, книгу — вредителя, книгу — классового врага, книгу — друга и помощника, книгу — «свою в доску», и это было началом большого его политического воспитания.

А тем временем стала расти своя, советская

книга, в невиданных тиражах, с невиданным количеством читателей. Стал расти и этот читатель, и библиотека увидела в своих стенах небывалое: конференции читателей, встречу писателя с читателем.

Библиотекарь сделался ответственным человеком. Тут уже не только отвечай за сохранность книжного экземпляра, проставленного под номером таким-то, но отвечай за качество книги перед читателем, за рост читателя перед общественными и правительственными органами. Сутулый человек в очках и с ваткой в ушах, каким мы запомнили старого библиотекаря до революции, стал вдруг на скрещении двух могучих потоков: разбуженной человеческой воли к знанию и миллионотиражной советской книги.

Но разбуженная человеческая воля к знанию — это не сборище старых библиотечных абонентов, зачастую людей «со свободным временем», людей, уже получивших образование и заходящих в библиотеку между службой и школой. У нового читателя нехватает времени, в школах для него нехватает места, на службе нехватает людей, у людей нехватает знаний. Все это неизбежно меняет у нас любое дело в сторону расширения его функций, и эта же нехватка изменила роль библиотеки, приблизила пассивное книгохранилище к месту обучения — вузу, школе и курсам. Для многих глухих уголков нашего Союза, для многих ведомственных библиотек наших городов (а у нас появились чуть ли не в каждом учреждении свои библиотечные полки) библиотекарь заменяет лектора и учителя, он устраняет в чтении элемент случайности, рекомендует, объясняет, выбирает книгу. Если он этого не делает, так должен делать, чтобы вдвое-втрое повысить поучительность книги для читателя и тем сберечь ему драгоценное время.

Особенно это важно на больших промышленных предприятиях, где растут тысячи стахановцев, и в массивах колхозной деревни, откуда поднимаются миллионные человеческие пласты. Недавно Московский комитет партии мобилизовал партийцев для проведения месячной культурной работы в деревне; товарищи ходили по знакомым и собирали книги, чтоб захватить их с собой в деревню,— лучшие литературные образцы, последние новинки, журналы. Я привожу этот маленький факт для того, чтобы показать, насколько велика наша привычка использовать книгу и как уже активна роль книги в деревне, и в то же время, насколько мало надежды у отъезжающих найти в деревне эту книгу-помощницу.

Избирателю будет теперь понятнее, почему о библиотечном деле выносят постановления партия и правительство, почему так много и упорно пишет о библиотеках Надежда Константиновна и для чего, наконец, собрался наш пленум.

А надо сказать, что в этот день — двадцать шестого октября — нас собралось не очень много. Большой зал почти пустовал. На боковых местах, вдоль стены, разместилась незнакомая для депутатов публика—приглашенные работники библиотечного дела.

В президиуме сидел герой Советского союза т. Ляпидевский, и нам видны были из зала и его густой белокурый локон, и синяя татуировка на руке. Но даже и неизменно аккуратному Ляпидевскому на этот раз, повидимому, было некогда, и он, не отводя глаз от лежащей перед ним книги — учебника по высшей математике, каждую свободную минуту отдавал решению математических задач.

Мы слушали доклад о положении московских библиотек. Выше я рассказала, как небывало выросло

в нашей стране значение библиотеки. Но значение — это одно, а трезвая, как говорится, действительность — это другое, и она не поспевает за переменами, происшедшими в роли библиотек.

Правда, с 1931 года у нас в Москве «есть некоторое улучшение»: прибавилось десять библиотек, преимущественно на окраинах, где их никогда раньше не бывало.

Но почти ни в одной области нашего быта нет такой вопиющей нужды в помещении и такого отсутствия планировки, во всех смыслах, в том числе и в территориальном, как в библиотеках. Часто в наших городских районах библиотеки скучены в одном месте, а вся остальная часть района лишена их (в Кировском, например, из четырех библиотек три помещаются на одной улице!). Теснота в них такая, что библиотекари должны работать как акробаты, вдобавок при очень плохом освещении. В Тургеневской читальне пятиметровые стеллажи забиты книгами, разыскивать необходимую приходится по два дня. Большая библиотека им. Грибоедова ютится в трех комнатах, — все остальное помещение занято квартирами трех бывших заведующих. Но самое неудобное — совместное существование «детской» и «взрослой» части, вносящее хаос в работу.

Из 502 библиотекарей у нас прошли квалификационное испытание 471. Среди них больше всего молодежи (от 20 до 30 лет). Стаж у них самый незначительный — только 14 процентов свыше 10 лет работы. Партийная прослойка ничтожна — 7 процентов. По образованию они почти сплошь малограмотны (75 процентов имеют только низшее образование). На вопросы давали диковинные ответы («главный город Германии — Лондон»). Из упомянутых выше 471 человека 80 процентов оказались неподготовленными.

Анализируя состав библиотекарей, видишь, что как раз старый библиотекарь, тот, что воспитался в годы революции, повидимому, сбежал из библиотеки, оставив вместо себя молодежь. Да и мудрено ему было не сбежать, если библиотечный оклад до сих пор еще очень неудовлетворителен: 95—120 рублей низший и 200—250 рублей самый высший. Люди с большим опытом и образованием перешли туда, где их труд нашел более выгодное приложение.

Но если так обстоит дело в самой Москве, то каково же в районах?

Покуда выступали ораторы, я пробежала глазами доклад и проект резолюции. В этом последнем стояли в кавычках золотые слова: библиотека должна стать центром политического просвещения и народной культуры. Но все деловые предложения рядом с этими словами в проекте резолюции выглядели как-то казенно, мало существенно, знакомо до оскомины и даже в чтении казались бездейственными, за исключением, пожалуй, одного, но как раз именно это одно предложение было почему-то и кем-то зачеркнуто. Оно говорило о том, чтобы в большом плане реконструкции Москвы учесть роль библиотеки и обдуманно запланировать новые большие светлые здания так, чтобы на каждую часть города их было достаточно и каждая охватывала свою территорию...

И невольно мысль моя перебросилась от Москвы на далекие просторы нашего великого Союза, в горные ущелья, степи, приморские долины, в веселые хлопковые станы, на приволье курдских и казахских кочевий,— повсюду, куда проникает волшебный маленький мир в переплете — книжка, перелистываемая любовными, огрубелыми от труда

пальцами. И захотелось мне уже не в план реконструкции Москвы, а и в великий план реконструкции всей страны, в грандиозные проекты промышленных центров, в еще совсем молодые, веселые проекты колхозов и совхозов, зеленых городов будущего, в мощные комбинаты МТС, узлом стягивающие наши необъятные пространства, внести чудесный очерк солнечной постройки, носящей греческое имя — библиотека, где были бы аудитории, столы для занятий, карты, консультации и где книга и библиотекарь оказались бы достойными той великой роли, какую они должны выполнить в Стране советов.

Глава V

ВЫСШАЯ ШКОЛА И СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

1

Если спросить, в чем сейчас нуждается высшая школа, то надо ответить: в том, чтобы ее изучили. Живой советский организм, призванный учить и ставить людей, принимать сырой человеческий поток и выпускать наученные и способные к работе «кадры»,— этот важнейший организм сам почти не изучен. Мы его знаем мало, почти не тронули в искусстве, обходим в очерке, и наша печать далеко не достаточно занимается вопросами высшей школы.

Между тем высшая школа живет жизнью страны, она — одно из крупнейших слагаемых нашей общественности. Процессы, свидетелями которых мы за последнее время были, связанные со стахановским движением, потрясли не только нашу промышленность, они захватили не только «отцов», этими процессами охвачена и школа, их по-своему переживают и «дети» — смена, подготовляемая в аудиториях и классах. И не одно только студенчество —

вся высшая школа целиком, с дирекцией, преподавателями, научными кабинетами, охвачена теми же процессами.

Спрашивается: чем они отличаются от стахановских? Какова их особенность? Где прочитать об этом, у кого спросить?

Стыдно сказать, но даже специальная газета, в подзаголовке которой перечислено чуть ли не семь всесоюзных дядек,— издание наркомпросов союзных республик, ЦК союза работников просвещения и т. д., и т. д.— молчит на этот счет.

Решение Моссовета изучить эти процессы — своевременно и необходимо. Оно захватило и линию моего собственного интереса (изучение методических работ высшей школы), и я с великой охотой вошла в группу депутатов, которым это обследование было поручено. Мне повезло: не только работа по душе, но и в самой работе достались два самых интересных и крупных объекта, ни в чем не схожие, резко отличные по «профилю», объему, характеру, назначению: первый — МЭИ (Московский энергетический институт им. Молотова) и второй—МГУ (Московский государственный университет).

МЭИ готовит инженеров, будущих командиров электропромышленности и электростанций. МГУ готовит ученых, исследователей, преподавателей высшей школы. Если у первого, крупнейшего из втузов, ярко технический облик, то у второго, крупнейшего из вузов, выразительней других вузов его чисто гуманитарный облик, уклон к научно-исследовательскому типу студента.

Ясно, что и формы, в какие должны были облечься новые процессы в этих двух высших школах, не могли быть одинаковыми. Но то, что я увидела и

пережила в течение двух месяцев моей работы, оказалось гораздо разнообразней и увлекательней самой жадной надежды.

2

Есть в Москве «восточное кольцо» — круг следования трамвая «В». Чтоб попасть на Коровий брод, — пастушье название индустриального места, где находятся Машиностроительный и Энергетический институты, — нужно сесть в этот трамвай возле Красной площади и ехать в сторону Замоскворечья, ехать долго, час с лишним, мимо Зацепы, двух монастырей — Ново-Спасского и Андрониевского, Крестьянской заставы, Проломных ворот.

Москвичу, не вылезающему из центра, есть на что посмотреть в окно. Он увидит настоящее лоскутное одеяло, смесь древнего, старого и сегодняшнего: деревянные домики в три окна, с крохотным палисадником и петушиным «кукареку» навстречу; каменные бастионы огромных монастырских массивов, вогнанные в самые живописные, сухие и бугристые места крепко и основательно, как гвозди с большими шляпками, накрывающими, кстати сказать, неимоверное количество погибшей жилплощади под собой; еще каменные стены, тоже с башенками, и тоже замечательной архитектуры: старые московские заставы, сквозь которые вливались в «белокаменную», а точнее — в побеленную Москву тарантасы и почтовые со всех дорожных подступов к городу. Ни колокола, ни трава меж булыжников, ни самые булыжники уже не помогают старым ассоциациям — колоколов и булыжников больше нет. Вот милейшая Пряникова площадь, неровный тре-

угольник между невзрачных домов, где, может быть, была свалка или стояла водокачка, и к ней, балансируя на камнях, брошенных в вечные лужи, гуськом шли за водой местные жительницы с ведрами. А сейчас срезаны лишние куски стен, убраны заслоны, мешающие видеть, и обнажились все выгоды высокой площадки: целый горизонт крыш и фабричных труб внизу, вечером — море огней, а на самой площадке — цветущий сквер с ребятишками.

Не мешало бы «благоустроить» и соседние Проломные ворота, где на пустыре трамвай «В» останавливается на отдых, а вожатые сменяются. Всевозможный хлам на незамощенных берегах Яузы, неподвижные, как жесть на солнце, обрывки воды, застрявшие в ямах и преющие с неприятным запахом, — не очень-то подходящий въезд в местность, где стоит в небе знаменитый ветряк ЦАГИ и начинается Радио-улица. Тут и конец нашего следования.

Эта местность, Лефортово, где уцелели корпуса военной кладки и большие особняки, — звучит для вас музыкальной табакеркой Петрова века, напоминая об игрушечных пушках, высоких киверах и волочащихся шпагах у фигурок, похожих на июльских кузнечиков. Но главные ее жители — втуз и учащиеся (в Лефортовском студенческом городке живет семь тысяч человек, население целого уездного города, из сорока восьми московских институтов) — произносят слово «Лефортово» примерно так, как мы «Козиху» или «Бронную», где в студенческие годы по неписаной дореволюционной традиции студенты снимали комнату или угол с кипяточком по утрам.

Я не зря так длинно въезжаю в тему. Это путешествие приходится делать не только мне. Трудно понять студенческий быт МЭИ и справедливо оце-

нить его борьбу за качество учебы, не зная вот этих многоверстных радиусов от Коровьего брода к Серпуховке, Строгановскому, Гороховской. Почему? Потому что **одно** учебное заведение, МЭИ, с **одной** дирекцией, **одним** профкомом, **одним** парткомом, словом, со всеми нужными членами в единственном числе, имеет не один, а **пять** адресов. Оно разбросано в пяти местах.

Чтобы провести рабочий день без пропусков и по программе, студент, профессор, треугольник втуза бегают из одного конца Москвы в другой, простаивают в очередях четырех раздевалок, по восемь раз роются в кармане за билетиком, снимают и надевают пальто, — потому что лекции у них в одном месте, лаборатории в другом.

Эта разбросанность крупнейшего учебного заведения, поставляющего стране крупнейшие кадры той самой специальности, что заполняет вторую половину двухчастной ленинской формулы коммунизма (советская власть плюс электрификация), ведет к большим неудобствам. Студенты (около 2 700 человек) теряют в бегах начала и концы академических часов, и у них, в среднем, пропадает **в каждый учебный день** около полутора часов, или, чтоб быть точными, 1,48 часа, по данным П. В. Венцковского, приведенным в статье «О режиме дня студентов» (выпуск научно-методического кабинета МЭИ), а 37,5% студенчества по тем же данным не всегда успевает пообедать.

Вот еще последствия этой разбросанности, прямо влияющие на ухудшение учебы:

1) Вместо нескольких больших аудиторий, рассчитанных если не на весь состав слушателей курса, то хотя бы на две группы, много маленьких аудиторий в разных зданиях.

2) Вместо одного преподавателя, их нужно несколько, потому что один физически не может пятирижды и десятирижды вести один предмет.

3) Отсюда и разнобой и неудовольствия от разного по качеству преподавания, заставляющие студентов всеми правдами и неправдами менять группы.

4) Но так как потребное количество преподавателей на тот же предмет не всегда налицо, происходит неизбежная перегрузка профессуры, снижающая качество преподавания.

Вопрос о постройке единого здания для МЭИ давно решен; отведено место — 9 гектаров. Советские энергетики получат институт, оборудованный во всяком случае не хуже английских и американских. Но, несмотря на грандиозный объем строительства (40 миллионов рублей), несмотря на ассигнование в текущем году четырех миллионов рублей, стройка не двигается, дают в этом квартале только один миллион, а остальные три условно, и нам кажется, что этим нужным и важным строительством практически недостаточно интересуется Наркомтяжпром.

Между тем МЭИ стоит того, чтоб бороться за строительство нового института как за промышленную стройку, стоять над ним, ощущать его деловитую, живую, вещную суть, такую же, как пульс жизни строящегося завода, который потом, раскрыв рот, начнет давать вам сторицей вещи, а школа, раскрыв рот, начнет отдавать сторицей людей, строящих вещи. Вот этого реального, хозяйского отношения к школе и ее материальному телу, этой романтики наилучшей ее оснастки, живого чувства надобности в людях,— потому что «план — это мы с вами»,— их еще нехватает наркоматам, ведающим своими школами.

Недавно в бригаде Моссовета прошел очень интересный доклад профессора Лобко и академика Бочвара. Докладчики привели данные о недостатках оборудования наших втузов, об устарелости лабораторных инструментов, о невозможности достать подчас самые элементарные вещи, о плохой подготовке в этих условиях студентов, не получающих во втузе знаний новейших достижений техники. Эта сводка касается балованого детища — технических институтов, к которым благоволят два наркомата. Когда мы доберемся до гуманитарных наук, и особенно до истории, мы увидим, что там дело обстоит еще хуже.

А сейчас подойдем к старому небольшому дому, с высокой кирпичной башней в углу, похожей на минарет. Это — МЭИ. В Союзе он — лучший из лучших. Несмотря на раскиданность и неудобства, он взял на всесоюзном соревновании красное знамя, держит его и, вероятно, удержит, потому что данные для этого уже накопились.

3

Слово «стахановский» в применении к вузам не вполне точно. Близкий к вузу человек непременно перебьет вас и скажет: «У нас есть о т л и ч н и к и, борцы за высокое качество учебы. И у нас есть новые явления в нашей общественности, которые можно назвать о т к л и к о м на стахановское движение, ответом на постановление декабрьского пленума ЦК ВКП(б)».

Почему так настойчиво остерегают вас от смешения терминов и от желания неразборчиво расширять понятие «стахановский» на всякую форму по-

вышенной деятельности,— мы ясно поймем в конце исследования.

Школы наши, если их сравнить с английскими и американскими колледжами, внешне мало «презентабельны». Здания большей частью старые и внутри сильно заношенные множеством учебных поколений, истиравших ногами ступени, а спинами и локтями стены. Где полы каменные или цементные, там они в выбоинах и ямах. Перила облуплены, и никакой ремонт этой изношенности не прикрывает. Самое же главное и неприятное в школьных зданиях, заставляющее недоумевать: неужели это зло непреодолимо и нет на него никакой управы в виде лучшего устройства и вентиляции,— это гнусный аммиачный запах уборных, неизменно бьющий вам в нос, куда бы вы ни входили — в пышный вестибюль университета на Моховой, в длинные, изразцом выложенные подземелья Плехановки и сюда, в небольшой корпус МЭИ.

Если б Моссовету всерьез взяться за вопрос об уборных в местах массового пользования, изучить заграничную технику этого дела, привлечь химию и архитектуру, мы не краснели бы за такие куски средневековья в Москве, на заре ее реконструкции.

Но среди тысяч прибавлений к наказу, среди вузовских заявок на асфальт, сквер, стадион, театр — никто, ни один голос не крикнул: стройте нам культурные уборные, уничтожайте запах аммиака!

В МЭИ семь факультетов вместе с общетехническим, обязательным для всех и захватывающим два с половиной года учебы. Профиль втуза, по сравнению с прошлыми профилями, говорит о том, что специальностей стало меньше и происходит движение в сторону более компактных и собирательных программ. Но, несмотря на все меры в этом

направлений, специальностей и профессий в пределах одного инженерного звания все еще неимоверно много. МЭИ готовит: 1) инженеров-электротехников, 2) инженеров-теплотехников, 3) инженеров-электриков, 4) инженеров-энергетиков, 5) инженеров-электриков по эксплоатации электрооборудования промпредприятий и 6) инженеров-электриков по производству авто- и авиоэлектрооборудования.

Казалось бы, и этого очень много, дальше делить некуда. А между тем в пределах почти каждого из этих общих званий есть еще несколько специальностей. Так, инженер-электрик, кончающий электрофизический факультет, может иметь специальностью: 1) светотехнику и световые приборы, или 2) электровакуумные приборы и аппараты, или 3) производство аппаратуры для установок радиосвязи, или 4) производство аппаратуры для установок проводной связи, или 5) производство аппаратуры автоматического управления в промышленности и транспорте (слаботочная автоматика).

Такая разбивка, где каждый инженер танцует только от печки своей узкой специальности, осталась нам отчасти от старой школы, отчасти от первых лет революции, когда заявки на открытие школ и институтов с самыми разными профилями сыпались чуть ли не каждый день, и этот поток самовозникающих кафедр и специальностей недостаточно регулировался и проверялся сверху. За границей давно стремятся «обобщить» и «унифицировать», насколько возможно, тип инженера, причем в Америке это делается с помощью практического склада образования.

Наши работники, ездившие по американским заводам, всегда восторгались обычаем тамошних инженеров быть на заводах неотличимыми от

рабочих ни по одежде, ни по навыку к черной работе, — он и под стан полезет, и машинным маслом вымажется, и в слесарном, и в токарном деле собаку съел, он — универсал, свой человек на заводе, существо с широким именем «техник», какое привыкли мы давать безотказно помогающим при любой аварии грамотным в технике людям. Это умение не отступать ни перед каким делом, мастерство, которого любое дело боится, ранняя черная работа на заводе — очень хорошая черта демократичности американского инженера, и она сильно понравилась нашим путешественникам. Но перенять ее на самом заводе нельзя: с нею инженеру надо уже притти на завод; сущность ее вырабатывается методикой, объемом, характером преподавания в высшей школе, и начинать надо именно оттуда, с реформы высшей школы.

Политехнизм без «поли», то есть без множества знаний, уложенного в единство, политехнизм без способности общетехнической ориентировки — это голая ерунда, звук пустой. И тут мы упираемся опять в то, о чем говорит докладная записка профессора Лобко и академика Бочвара, — в недостаточность лабораторного оборудования наших втузов, потому что отчасти эта недостаточность, слабая работа с машиной, с вещью, с техникой, вдобавок очень устарелой, и лишает студента средств для развития способности ориентировки; а в виде «компенсации» она подносит ему теоретические оглобли бесконечно дробных специальностей, в которые он и впрягается довольно беспомощным человеком.

Причем этому злу не помогает никакая отличная учеба. У нас были случаи, когда администрация завода жаловалась на молодых инженеров, бывших во втузе отличниками, а на заводе оказавшихся

совершенно беспомощными перед новыми заграничными машинами. Как первые ученики десятилетки, они могли бы сказать, да и говорили: «Позвольте, мы этого не проходили!»

За последний год МЭИ делает резкие усилия, чтоб изменить это положение. Он делает эти усилия по линии всего своего фронта, начиная с новшеств по части оборудования аудиторий и кончая работой методического кабинета и работой кафедр.

Такая, казалось бы, простая вещь — обставить как следует аудиторию. Много ли ей нужно? Свет, воздух да скамейки. Но лекция преподавателя должна дойти до слушателя, формулы на доске должны быть увидены, и в МЭИ мы встречаем в аудиториях длинные, во всю стену, прямоугольные доски, на которых совершенно нет бликов от света или затемненных мест, а на любом месте доски и с любой скамьи в зале меловая надпись одинаково хорошо видна.

И так все это просто: электрические лампочки рядком вделаны под верхний карниз доски и бросают равномерный свет на всю ее плоскость. Лень было додуматься до этого раньше, потому что не было чувства ответственности у втуза не за программу или урок, а за реальную усвоенность науки.

Пройдя по коридорам и аудиториям, заглянув в чертежные, кабинеты иностранных языков, библиотеки, вы всюду находите эти мелкие, но очень существенные поправки к учебному быту. Отлично выполненные чертежи, раздаваемые на руки, чтоб студент мог лучше разобраться в вопросе. Выписанные на 6000 рублей модели по курсу теории механизмов для наглядного преподавания механики; в чертежном кабинете — окраска каждой детали в

свой цвет, чистота, вспомогательные чертежи на стенах, мусорные корзины под столами, свежий воздух; кабинеты иностранных языков, где студенты составляют «стенку» на избранном ими языке; недавно открытый изокружок, где будущие инженеры учатся рисовать, кружок, правда, убогий, с гипсами для срисовки, но хорошо и то, что его открыли; незабыты и профессора — для них оборудована хорошая и удобная комната, а раньше «преподавательской» вовсе не было. Администрация как бы говорит: «Мы делаем со своей стороны все, что можем, мы не устаем думать над культурой учебы, а кто следующий?»

Следующий — это методический кабинет, в котором сосредоточена вся обширная умственная работа, направленная к той же цели, но своими особыми путями.

4

Методические кабинеты в вузах — дело сравнительно молодое. Обычно они связаны с так называемой «учебной частью», лепятся возле нее, и вид у них вполне канцелярский. Сюда втекают всякие учебные документы, здесь они сшиваются, берегутся, сюда течет и посетитель за справкой.

Но методический кабинет — не канцелярия, и люди, в нем сидящие, это ученые. На бюджет таких кабинетов урезываются гроши, исчисление ведется в десятках и сотнях рублей, труд оплачивается скудно, и все же одна за другой здесь готовятся и аккуратно выходят на машинке или гектографе, если нельзя отпечатать в типографии, очень ценные исследования.

В методическом кабинете вам расскажут о сегодняшнем студенте и чем он отличается от вчерашнего.

Еще в 1931 году, когда мне самой привелось сесть на вузовскую скамью в Плановой академии, у нас почти не было молодых студентов — самые молодые насчитывали тридцать лет. А сейчас стариков все меньше, в вуз пришел молодняк, и почти во всех вузах и втузах, без исключения, основная студенческая масса — это комсомольцы. Если раньше их почти не было, сейчас они резко преобладают. Зато партийная прослойка раньше была значительной, а сейчас она резко уменьшилась, и от этого работать в университете стало трудней.

В узкой и невзрачной комнате, где помещается научно-методический кабинет МЭИ, проходит вдоль стены какая-то сумасшедшая, пышущая жаром труба. Воздух возле нее нагрет и сух до щекотания в горле. Тот, кто работает у окна, как бы пребывает зараз в двух климатах: правый бок — в умеренном, левый — в экваториальном, африканском. Люди терпят, хотя пора бы покончить с этим, и люди работают.

В упомянутой выше брошюре Венцковского «О режиме дня студентов» дается некоторый ключ к тем путям, какими стали вводить в МЭИ новые начинания в студенческом быту. Дело в том, что собранный в брошюре цифровой материал говорит о таком строгом регламенте учебного дня студента, какого нет, пожалуй, и в средней школе. Студент, оказывается, связанней и стесненней во времени чуть ли не больше служащего, и у него почти нет свободного запаса, из которого можно было бы черпать, — все расписано, сжато, утеснено до того, что, как я уже сказала, ежедневно обедает (из об-

щего числа обследованных) только 61,5%, не всегда обедает 31,2% и часто вовсе не обедает 7,3% — исключительно из-за неуспевания. На отдых в рабочий день падает ничтожно мало, всего 0,7 часа, то есть сорок две минуты.

Эта теснота и сжатость связаны с обязательным посещением лекций, которое требует от студента, — хочешь, не хочешь, — быть в аудитории налицо. Между тем есть лекции, дающие студенту очень мало; он мог бы целесообразней израсходовать время на домашнюю работу, на занятия в библиотеке, а вот не может и, зевая, тратит его впустую, а с ним вместе и нервную энергию. Вместо упорядочения — формализм. И все те грехи, о каких раньше говорилось, — недостаточная самостоятельность научного и технического мышления, слабость технической находчивости, — как раз они-то и поддерживаются привычкой получать готовое, порцию знаний с кафедры, при неимении времени и сил на самостоятельную домашнюю работу.

Первый из втузов и вузов, МЭИ попробовал — очень осторожно и проведя это через все инстанции — сделать посещение некоторых лекций необязательным.

Учившимся до революции эта мера кажется очень робкой и безобидной, и они просто не представляют себе, какую она вносит поправку не только в рабочий день, но и в психику студента.

Мне, окончившей Московский университет в старые времена, почти вовсе не посещая лекций, — учеба в Плановой академии показалась очень трудной, но в то же время и необычайно радостной именно из-за этого строгого регламента, как бы превратившего нас, взрослых людей, снова в школьников. Староста записывал каждому не только неявку на лек-

цию, но и опоздание до трех минут, и мы этих записей стыдились и как огня боялись, бежали по коридору, забыв о четырех десятках лет на плечах. Но то была психика нашего старшего поколения студентов, психика людей, которым приятен регламент, потому что он н о в, потому что он дисциплинирует анархическую, безалаберно пожившую натуру.

А молодежь, пришедшая в аудиторию прямо из классной комнаты или из рабфака, только переменила одну строгую «обязательность» на другую; и такое отсутствие с в о е г о «карманного» времени, которое можно самостоятельно тратить, механически повлекло за собой и сохранение старой школьной методики занятий — зубрежки «от — до», в ущерб выработке более взрослого, студенческого интереса к науке.

Смягчение обязательности наметили еще в 1934 году, сперва в очень скромных размерах. На горячей дискуссии Г. М. Кржижановский сформулировал принятое решение так:

«Быть может, мы подумаем насчет обязательности посещения лекций. Большевики ни из чего фетишей не создают...»

Необязательными для посещения объявили технологию металлов, черчение и детали машин (курсы, имеющие стабильные учебники), позднее и некоторые другие предметы. И в результате именно по этим предметам к концу семестра у студентов оказались лучшие отметки, причем курс по «деталям машин», который раньше заканчивало во-время не больше 60—70% студентов, сейчас, при необязательном его посещении, сдало 92% студентов. С другой стороны, это подстегнуло и профессоров бороться за слушателя, чтоб не остаться преподавать в пустой аудитории..

Проделанный опыт был подытожен научно-методическим кабинетом в сборнике, где приведены очень интересные цифры и выводы. Вот таблица сравнительных данных по успеваемости всего института на октябрь 1934 года, причем первая колонка указывает на отметки по предметам, посещение которых обязательно. (Напомню читателю, что речь идет о необязательности не самого предмета, а лишь посещения его в аудитории.)

Оценки	Необязательн.	Обязательн.
Отлично	8,2%	11,3%
Хорошо	32,2%	31,7%
Удовлетворит.	44,3%	34,8%
Неудовлетворит.	9,7%	14,1%
Не аттестовано	5,6%	8,1%

Хотя обязательные предметы дают больше отличников, но зато они же дают и значительно больший процент «неудов» и оставшихся без аттестации (последнее особенно характерно), а в основном подавляющее большинство удовлетворительных и хороших отметок падает на предметы, необязательные для посещения.

Начатый в 1934 году опыт прочно вошел в учебный быт.

А вот последнее издание научно-методического кабинета, скромная и тоненькая книжка, называющаяся «Как я работаю». В ней собраны рассказы четырнадцати лучших отличников института. Рассказам предшествует обобщающий очерк профессора Рубинштейна. Оказывается, отличники меньше всего берут нажимом на время. Из них ни один не работает ночью, все берегут ночной сон и дают себе днем отдых, многие серьезно и постоянно занимаются физкультурой, каким-нибудь видом спорта.

Откуда же у них берется время на отличную отметку?

Студенты работают равномерно. Они научились планировать свое время и уничтожили благодаря этой равномерности прежнюю изнурительную штурмовщину, ведущую к дутому успеху. Они не ограничиваются «от—до», а читают журналы, следят за техническими новинками, ясно понимают, что, «ограничившись учебой, подчас устаревшей литературой, можно к моменту окончания института оказаться академически образованным, но совершенно оторванным от жизни инженером с ограниченной технической эрудицией» (стр. 19, студент А. Л. Минин, IV курс ЭТФ).

Тяга к общему образованию, к усвоению главного фона, на котором можно расположить более связно все свои знания, характерна для всех отличников; они этой тягой укрепляют себе память, вырабатывают постоянное подспорье для нее, держат частный факт на усвоенной общей канве.

Студент Козлов (IV курс ЭТФ) считает таким общим фоном курс физики. Она для него «основа всей техники». Поэтому «при проработке каждого предмета я всегда стараюсь разобраться в его физическом смысле, так как без этого проработку предмета я считаю неполноценной» (стр. 25). Тут мы уже встречаемся с самостоятельным философским мышлением, нащупывающим основы, хотя и не совсем правильно.

Отличница П. Г. Туровская (IV курс ЭТФ) считает, что «общий фон» дает человеку не только наука. Нужна и культура личности, нужно воспитание характера, и это воспитание дает общественная работа:

«Я всегда активно участвовала и участвую в обще-

ственной работе, хорошее выполнение которой требует усиленной работы над собой» (стр. 26).

Туровская не только отличница и общественница, она и мать: «Ежедневно провожу с сынишкой 1½—2 часа. Сейчас ему три года, — это здоровенький, крепкий малыш» (стр. 27).

Чем самостоятельней работа и распланированней время студента, тем больше становится он как бы хозяином своего рабочего дня. Институт борется как раз за такой тип отличника — сознательно образовывающего себя студента, а не зубрилу, и все приведенные в книге 14 рассказов мобилизуют учащихся именно в эту сторону.

5

Но что же делают кафедры? Чем они участвуют в общей борьбе?

Кафедры делают огромное дело, и хотя это дело меньше всего можно было бы назвать поэтическим, знакомство с ним зажигает вас как стихотворение, — настолько оно полно эмоциональной, вкусовой, внутренней направленности.

Чувствую, что надавала такими эпитетами серьезных векселей читателю. Попробую их реализовать.

Дело, которое делают сейчас кафедры, это переработка старых учебных программ. По правде сказать, их даже и нельзя назвать «старыми», они только недавно вышли из недр ГУУЗа, где были подвергнуты тщательному пересмотру и утверждению. На каждой вы можете прочесть имя профессора, составившего ее, и имя профессора, ее утвердившего.

Но пусть читатель представит себе большое и длинное тело какого-нибудь гиппопотама, вынужден-

ное под кнутом повернуться, как говорят, «всем корпусом». Кнут щелкает, но длина и объем этого тела затрудняют прямой поворот, и вот он складывается из целой серии углов — все набок, все набок, покуда сумма этих малых углов не даст полного круга. Так, примерно, обстоит дело и с учебной программой — старым, длинным гиппопотамом, доплывшим к нам из далеких морей прошлого, из царской технической школы, из отсталой русской техники, из хищной экономики капитала. Эта программа научна, ее составляли лучшие головы, большие ученые. Огульно ее отрицать — значит впадать в пролеткультовский нигилизм и топить драгоценный опыт человечества. Но продолжать преподавать по ней тоже нельзя, потому что все основные установочные линии, весь курс науки принял у нас существенно новое направление.

Необходимо поэтому поворотить программу в нужную сторону. Задача поворота выполняется давно, кнут в руках ученых комиссий не в первый раз щелкает, и то, что недавно вышло из недр ГУУЗа, это тоже уже не прежнее, а до известной степени, на малый угол, повернутое лицом к советской действительности, но полного поворота еще нет, кнут опять щелкает, и перед нами еще один — плавный, медленный, выразительный угол поворота учебной программы, этого могучего телом и деньми, ученого гиппопотама. Два таких «угла», получившие высокую апробацию в комиссии по высшему техническому образованию, предложенные к внедрению во втузы всего Союза, я и хочу здесь описать подробно.

Перед нами две книги. Одна печатная: это — существующие учебные программы; другая сшита из писчих листов, вышедших из-под машинки: это — измененные и переработанные программы.

Возьмем одну из них — по теплосиловым установкам, в условиях РСФСР самой важной отрасли энергетики. Составлял ее в прошлом профессор Татарчук, утверждал профессор Жирицкий. И эту же самую, того же составителя, программу переработал по-новому доцент Керцелли.

В чем заключается работа Керцелли? На первый взгляд разницы как будто особенной нет: многие пункты программы повторяются дословно. Однако сравним те пункты, где есть изменения, добавим к ним и то новое, чего нет вообще в первой программе, и посмотрим, что получается:

СТАРАЯ ПРОГРАММА ЦЕЛЕВАЯ УСТАНОВКА	НОВАЯ ПРОГРАММА ЦЕЛЕВАЯ УСТАНОВКА
§§ 1, 2, 3, 4 совпадают в обеих.	
§ 5. Широкое развитие механизации и автоматизации процессов как отдельных устройств, так и всей установки в целом.	§ 5. Тенденции к максимальному *уменьшению штатов* станции в связи с широким применением механизации и автоматизации процессов и *овладению техникой производства эксплоатационным персоналом*.
§§ 6, 7, 8 совпадают в обеих.	Дополнительно *введены* еще два параграфа: 1. Последние достижения в области увеличения числа часов использования станций и отдельных агрегатов, а также повышения их эксплоатации и коэфициента полезного действия. 2. Снижение себестоимости единицы энергии, уменьшение кубатуры и площади на один установленный киловатт.

Введение	Введение
(120 час.) 90 — лекционных 30 — упражнения.	(100 час.) 70 — лекционных 30 — упражнения.
§ 3. Энергохозяйство СССР, план его развития и значение в мировом хозяйстве.	§ 3. Роль планового хозяйства в развитии энергетики СССР.

Темы для упражнений совершенно изменены, и почти ни одна не совпадает. Особенно характерно изменение VII темы.

ТЕМА VII	ТЕМА VII
Основные принципы проектирования и сооружения ТСУ. Раздел первый: местоположение тепловых электростанций конденсационного и теплофикационного типа и т. д. (О транспорте нет ни слова.—М. Ш.)	Основные принципы проектирования: Задачи и содержание эскизного, технического и рабочего проекта. Задание на проектирование. Задание электрического и теплового потребления, потенциалов и режимов потребления. Связь станции с системой. Задание или выбор топлива. Районирование потребления топлива. Проблема газификации топлива и т. д. Транспорт и хранение топлива.

Я взяла для примера лишь ничтожную часть программы. Но и такая часть показательна. Не нужно быть специалистом, чтобы разобраться в этом сопоставлении. Старая программа — еще вся в дурной абстракции так называемой «чистой науки». Даже в «целевой установке» не видно никакой реальной цели. Глава о механизации сформулирована для учащегося так, будто механизация нужна сама по себе и автоматизация нужна сама по себе. Не видно экономики. И не видно хозяйственной политики, то

есть курса, который должен держать инженер как рулевой своего хозяйства.

Новая формулировка уже иная. Глава о механизации начинается с «тенденции к максимальному уменьшению штатов», и это сразу объясняет, для чего нужна механизация, сразу бросает .на технику ослепительный свет экономики. Здесь же добавлено о необходимости эксплоатационным персоналом овладеть техникой производства, — инженер должен и это знать в порядке обучения, должен помнить об этом как о целевой установке курса.

Введение сокращено на 20 часов за счет лекционных. Темы составлены гораздо яснее, расчлененней, последовательней. С исключительной яркостью выступают недостатки старой и достоинства новой программы в VII теме о проектировании, важнейшей для студента. В старой (у меня она полностью не приведена) перечислен лишь набор отдельных моментов проектирования, перечислен вообще «на все времена», в своем роде метафизика проекта, вне учета исторического момента. Новая расчлененно, ясно, последовательно показывает студенту, что такое проект именно в наших исторических условиях, где безликое «месторасположение» заменено советским «районированием». И, — как это четко выражено в третьем пункте введения, — вместо неподвижно-статического, все еще пахнущего официальной казенщиной, формально приноровленного не к новой действительности, а только к новым ее словам «энергохозяйства СССР, плана его развития и значения в мировом хозяйстве» (старая формулировка) — получается несравненно более обязывающая, подвижная и живая: «Роль планового хозяйства в развитии энергетики СССР» (новая формулировка).

Там — «план его развития», здесь — «роль плана в

его развитии»; разница как будто небольшая, но по сути дела это разница двух методик преподавания, разделенных пропастью. Преподаватель, пользующийся старой программой, особенно если он уже накопил многолетнюю дореволюционную привычку обучать по-старинке, гораздо легче сползет в показ техники как чистой техники, плана как чистого плана, без всякого учета экономики, — нежели преподаватель, пользующийся новой программой.

На сегодняшний день это очень большое завоевание. А завтрашний покажет, может быть, насколько и в этой новой, переработанной программе осталось рудиментов старого, пережитков дореволюционной методики, и программу повернут еще на угол.

Есть крупное имя в нашей энергетике — профессор А. А. Глазунов. Это — декан энергетического факультета, очень занятой человек. Но, узнав о моей работе, он урвал у себя три драгоценных утренних часа, и мы засели с ним в его кабинете на Гороховской, где профессор Глазунов прочитал мне своеобразную лекцию, — лекцию вне всякой программы, но зато по вопросу о программах.

Его глуховатый голос, большая рука с привычкой чертить на клочке бумаги чертеж для ясности и быстроты, — как зерно птицам, накидывать на бумагу живую горсточку цифр, — благодарно остались у меня и в памяти, и в тетрадке, куда я вклеила все его подсобные бумажонки. Трудно передать все услышанное мною богатство без этих чертежей и цифр, «своими словами».

Разговор у нас начался с понятия «нормы». Что, собственно, происходит в стахановском движении? Передовые рабочие бурно и снизу, не дожидаясь никаких академических указок сверху, опрокинули целый ряд старых норм. Но если пойти к тому исто-

ку, откуда эти нормы родились, мы упремся в науку, в твердые научные фетиши, преподанные нашим инженерам со школьной скамьи. Именно школа заставила инженеров почтительно верить в незыблемость этих фетишей. Неудивительно, что в стахановском движении немало инженеров оказалось позади рабочих, и возникло даже сопротивление с их стороны, по которому пришлось хорошенько ударить.

Какой же из этого должна сделать для себя вывод школа? А прежде всего такой, чтоб с кафедры студенту подносились не готовые цифры, не нормы-фетиши, чье происхождение, как богов на Олимпе, теряется в неизвестности и потому они кажутся вечными и нерушимыми, а чтоб с кафедры студенту отчетливо разъяснялось самое происхождение этих норм, то есть исторические и экономические условия, при которых они возникли. Тогда, зная условия возникновения норм, студент всегда сумеет найтись при любых условиях и сможет оказаться не в хвосте, а во главе борцов за новые нормы. Но знание истоков происхождения норм — своеобразная историзация расчетных цифр — вдобавок приучит инженера, как говорится, и «раскидывать умом», то есть думать, разбирать, прикидывать к новым условиям, замечать новое в старых условиях, мимо чего он раньше прошел бы, как слепой. Выходит, скажем, инженер с готовой «нормой», твердой цифрой «неизбежной» потери энергии в нашей осветительной сети; и он уже не задумывается над лежащими перед ним простыми возможностями уменьшить эту потерю, он не видит, как легко можно было бы облегчить вопросы потерь светового потока, — например, простою борьбой за более культурную среду в бытовом применении электричества: от запыленной арматуры, от недостаточно чистых стен и потолков

теряется до 10—20% энергии, и эта нечистота сама становится требовательной, она заставляет кричать «мало свету» и вставлять более мощные лампочки, забирающие лишнюю энергию. Выражаясь словами самого профессора Глазунова, «нечистота требует около 30% добавочной мощности лампочки».

Не придет ему в голову и другое обстоятельство. Есть множество исследований разных институтов о том, насколько производительность труда связана с той или иной степенью освещенности (больше, меньше). Был произведен целый ряд опытов, и выяснилось, что каждый род производства имеет свою точку перегиба и часто забирает свету свыше той точки, за которой производительность уже не растет. Инженеру с готовой в голове нормой потери и в голову не придет поставить вопрос о рационализации освещаемости, то есть о том, чтобы совершенно точно дать каждому предприятию именно столько света, сколько ему нужно, а не разводить со светом уравниловку, не терять на этом драгоценные киловатты и вообще «не жечь зря электричество», спокойно уповая на готовую «норму потери».

Часто на возникновение норм влияют география и климат. Вот, казалось бы, вещи, которые не имеют ни малейшей связи с электричеством: длина зимы и влага в земле. А между тем связь вот какая: деревянный столб, посаженный в землю, имеет свой срок службы. От влаги в нем развивается грибок, и он загнивает. Северная зима с морозами сокращает период влаги и тепла, а следовательно и гниения столба в земле чуть ли не вдвое, и понятно, что деревянные опоры для электрических проводов имеют в Средней России один срок изнашиваемости, а в Средней Азии, где влаги и тепла больше и период гниения дольше, другой срок изнашиваемости. Меж-

ду тем расчет деревянных сооружений считается непреложной нормой, он фетишизирован, и этот старый расчет, сделанный по московской «географии», предлагается распространить на все области Союза. Что происходит? В электрифицирующейся Средней Азии столбы выбывают из строя гораздо раньше их «классической» нормы, и это ведет к очень неприятным последствиям для всей сети. «Помните,— повторяет профессор Глазунов свой любимый афоризм, — технических расчетов нет, есть только экономические».

Давно уже мы отошли от «норм» в нашей беседе. Я слушаю, как роман, про Америку, про Голландию— наблюдения, вынесенные из книг и командировок. Глазунов — не блестящий рассказчик, он говорит без метафор и «художественности», но у него та спокойная, обстоятельная, точная деловитость в беседе, то полное внутреннее внимание к предмету своей собственной речи, какие заставляют и вас тоже доводить напряжение внимания до уровня собеседника. Вот он говорит об авариях в сетях. Мы знаем их по неудобству в быту, когда вдруг у вас на квартире потухает свет и вы мечетесь от управдома к дворнику. Но свет это ведь только цветок на стебельке, а стебель — электросеть — профессор Глазунов ощущает почти так, как физиолог нервное волокно.

У нас очень большое количество аварий (44 аварии в год на 100 км сетей по всему Союзу). Половина их от некультурности наших строителей, часто ломом перешибающих в земле кабель. А вот в Голландии аварий только 0,35%, то есть одна в три года! Голландцы прокладывают свой кабель не так, как мы — прямо в земле, а в бетонных трубах, с колодцами по концам в 1—2 метра глубины.

Если у нас поврежден кабель, мы ищем под землей вслепую, копаем, как за кладом, — у них же ничего не стоит узнать, где повреждение.

И вот еще одна замечательная подробность: аварии можно предупреждать, как болезнь, это даже и зовется медицинским словом: «профилактика аварий». Голландцы делают так: положим, что их кабель работает на 6000 вольт; они его ставят на несколько минут под напряжение не шести, а двадцати — тридцати тысяч вольт. Где он крепок, там кабель выдержит, но слабое место этим сильным напряжением пробивается, оно с головой выдает себя. И эти слабые места голландцы тотчас удаляют, заменяют новыми и сводят таким образом возможность аварий чуть ли не к нулю.

Имеет ли все это прямое отношение к нашей теме? Имеет. Под углом: 1) расширения знаний не одних только цифр и формул, а и тех исторических условий, откуда возникли данные цифры и формулы; 2) тренировки сообразительности студента при помощи изучения местных условий; 3) детального знакомства с новинками заграничной техники; 4) постоянного памятования об экономической подоплеке любого технического расчета, — переработана вторая учебная программа, о которой я обещала рассказать, — программа по сетям. То, что я слышала, не было самою учебной программой, подобно приведенным выше образцам программ по теплосиловым установкам. Но зато вся методика новой программы после речи Глазунова стала гораздо яснее и понятней.

Если теперь попытаться сделать вывод о работе кафедр по изменению программ, то можно отметить две главные черты. Одна — шаг в сторону слушателя, лучшее распределение времени, упрощение языка, толковое, раздельное и связное изложение

тем; другая — шаг в сторону той промышленности, где будущий инженер должен работать, отклик на все острые вопросы, выдвинутые стахановским движением, конкретизация науки введением экономических и исторических моментов.

То, о чем я рассказала, лишь первые ласточки. МЭИ ведет методическую работу далеко не на всех участках; переработанных программ по сравнению со старыми мало, другие втузы еще и за МЭИ не последовали. Но замечателен уже самый факт, что академическая жизнь под напором победившего социализма зацвела и оживилась так, как никогда в прошлом не случалось с ней ни от «просвещенного покровительства» дворцовых деспотов, ни от кошелька меценатов-капиталистов.

6

Праздник до революции было приятно проводить дома. В нынешний советский праздник дома сидеть прямо обидно. Значит — забыли вас, ни одна организация не вспомнила, нигде в оркестре вашей скрипки не понадобилось.

В праздник Первое мая меня пригласили на вечер в МЭИ. Уже я там крепко поработала и обсиделась, со многими познакомилась, а с другими и вовсе подружилась, уже стали для меня своими людьми и «вечный мэист» Александр Андреевич Мухин, кончивший институт, а сейчас неутомимо ведающий его учебной частью; и рослый, светлоглазый Алеша Павленко, секретарь парткома; и члены бюро, которым в самом начале рассказала о целях моей работы, и они тоже деловито распределили всю нужную мне помощь; и сам хлопотливый ди-

ректор Дудкин Иван Иванович, души не чающий в своем институте.

Победа МЭИ на всесоюзном соревновании, его отличная и крепкая работа сейчас, то, что на языке всяких отчетов называется «показатели», они потому и стали возможны, потому и хороши, что в МЭИ сработался очень дружный и несклочный коллектив. И «апологетика» моя относится именно к этой дружной работе людей, которые и меня, говоря каламбуром, взяли «дружно в работу». Вот почему, хоть и было моего знакомства с ними без году неделя, я шла к ним на праздник по-хорошему и без натяжки. Но надо сделать поправку: все же не «без году — неделя». В МЭИ пришлось встретить знакомых по Плановой академии, преподававших у нас на энергетическом отделении; знакомых по азербайджанской дискуссии о втором законе термодинамики. То были люди из родственного мира проблем, в котором жилось последние десять лет. И по-настоящему новой оказалась для меня в небольшом клубе аудитории на Плехановке только изменившаяся за последние два года студенческая масса.

Покуда президиум опаздывал, эта масса текла из всех дверей в залу, забивая скамейки. Девушек меньше, чем юношей, чистота и вкус в одежде, уже с трудом можно разобрать в лице и повадке социальное происхождение: городские и деревенские нераспознаваемы. С книгами и газетами, в откидных воротничках, блузах, шелковых платьях, вперемежку с преподавателями и аспирантами, помаленьку теснимыми к первому ряду, сидит молодая советская техническая интеллигенция, будущие герои наших романов и повестей, герои поколения, вкус которого должен воспитываться на удачном литературном типе, если мы его сумеем создать.

Нам было приятно читать «День второй», но сейчас — это уже день вчерашний, и новый молодой человек не похож на молодежь Эренбурга. Новое поколение возмужало, в него надо влюбиться на равных правах современника, и только так, рисуя себе не ребенка, а гражданина, соседа, нового жителя нашей планеты, поселившегося рядом с тобой в доме, можно разглядеть не романтические, а реальные черты поколения.

В темных глазах проходящего мимо студента — молчаливый юмор. Он невысокого роста, узкогрудый. Его нельзя назвать красивым. Это как будто и вовсе не герой, но это — Воронов. А что́ Воронов — вам расскажут, и вы протянете про себя «а-а!» и запомните его лицо, а потом оно будет хорошеть и глубинеть перед вашим умственным взором, наполняя вас странным чувством протеста против родительской нежности, чувством литературной любви, потому что вместо трафаретного, ходячего, молодежного героя, подрастающего и недопеченного, перед вами серьезный человек, и не придется ли в жизни сдать перед ним, почувствовать в его юморе наступившее совершеннолетие?

Двух замечательных студентов, Воронова и Иванова, я узнала еще в их комнате лефортовского студенческого общежития. Иванов — высокий, женственно-красивый, хотя, говорят, и непобедимый боксер, с маленькими девичьими губами. Воронов — ниже его, слабее, и все же от этих глубоко сидящих глаз — на всем лице замечаешь только его глаза исподлобья — веет такой спокойной силой, что коноводом и хозяином в комнате кажется Воронов. Выходной день, и они ждут в гости девушек. Каковы эти девушки? Будут ли они, как в незапамятные времена собственного нашего студенчества, вместе чи-

тать и философствовать? Есть ли у них литературные кумиры, как были у нашего поколения Леонид Андреев, умирающий Чехов, восходящий Горький? Помнят ли имена артистов? Знают ли, что такое галерка и комбинация из трех глупых слов «контрамарка на Шаляпина»?

Но будущий инженер, тип инженера, специальность его, юмор его — это уже исходит от них. Совершеннолетие в том, что «молодежный герой», «комсомолец» предстает перед вами уже не вообще комсомольцем, а человеком избранной профессии.

Иванов и Воронов — отличники, общественники, гордость института. Пока они проходят меж плотных рядов, в президиуме — событие. Появился, окруженный людьми, и идет медленно, щурясь на яркие прожекторы, постоянный гость института, почетный докладчик на его праздниках, Миха Цхакая. Под беспощадным потоком «юпитеров» вслед за ним уселись три незнакомых человека, женщины и мужчина, с простыми обыкновенными лицами, простыми, натруженными руками. Это — шуцбундовцы, первомайские гости. Им предстоит выдержать натиск наших фотографов — наведенные жерла огня, и мы увидим блестящие крупинки пота на их лицах, а Миха Цхакая расстегнет воротничок и будет беспомощно обмахиваться газетой, а из-за стола к кафедре полетят звонкие предупреждения, напоминанья. Но Иван Иванович Дудкин, хоть и очень знает, как это бывает с ним, и часы снял и положил их перед собой, но обычно замкнутое лицо сейчас обмякло и светится желанием — уж говорить, так говорить, и он добродушно машет рукой на тех, кого сам просил напомнить ему о времени.

Иван Иванович Дудкин рассказывает о проделан-

ной институтом работе и под конец останавливается на «гвозде» — только что проведенном опыте студентов на Электрозаводе, опыте, которым общественность МЭИ как бы ответила на постановление декабрьского пленума ЦК ВКП(б).

Если рассказать о нем с самого начала, то получится очень любопытная история. Она имеет черты некоторого сходства с историей жен инженеров. Дело в том, что общественные формы не высасываются из пальца. Пример какого-нибудь чужого подъема часто заставляет нас сгоряча кидаться на чужие места и думать, что мы можем ему последовать именно так — сбежавши от обычной обстановки в необычную. Но жизнь учит другому. Жизнь учит делать дело со своего места. Жены инженеров не побросали ни мужей, ни детей, ни хозяйства, ни собственной работы. Но стахановское движение помогло им понять, в чем смысл той общественной деятельности — по линии культшефства, участия в коммунальных заботах своего актива, клуба, учреждения, участия в жизни школы, где учится ваш ребенок, — той деятельности, на какую тысячи «жен» много лет вызывались повестками и тысячи «жен» много лет смотрели спустя рукава. Старая общественная «нагрузка», расширенная на цех и предприятие, понятая под новым углом зрения, сделанная от души, захватившая не одну-две, а целый слой активисток, — превратилась в новую форму общественности.

Примерно то же самое произошло и со студентами МЭИ. Мертво и как бы втуне лежала для них в течение трех лет обязательная общественная нагрузка на Электрозаводе — так называемая техпропаганда. Кто знает погоню за формальной отметкой о выполнении нагрузки, тот очень легко представит себе, как это было: администрация, занятая по уши, с не-

охотой и досадой оглядывается на пришедшего студента, спешно отделываясь от него фразами, взятыми из докладных записок; студент получает задание, выполнение которого не нужно ни заводу, ни администрации, а только к случаю, тут же, чтоб отвязаться, подыскано. И, получив это задание, побродив по заводу, студент тихо смывается, зачастую не удосужившись его выполнить.

Но когда в заводской жизни, в гуще самих рабочих стали крепнуть и подниматься новые силы, они нажали на формалистику общественных нагрузок, на тяжелый накладной расход мертвых душ и потребовали от них реального содержания, настоящей работы. Весной прошлого года рабочие сдавали гостехэкзамен: кое-кто не выдержал. Три человека, обсудившие, как лучше и полезней использовать на заводе студента,— тт. Тужиков и Цейтлин (сами студенты МЭИ) и т. Рокино (заведующая отделом кадров Электрокомбината),— пришли к простой и счастливой мысли — прикрепить к невыдержавшим по студенту для индивидуальных занятий. Рабочие стали готовиться и выдержали.

Это пришлось по душе и рабочим, и администрации, и студенту, потому что принесло пользу. Но то была случайная и неожиданная польза, люди занимались без отбора — с теми, кто хотел, и те, кто хотели. Между тем стахановское движение росло, с учебой на заводе стало серьезно. Подошел декабрьский пленум ЦК, прозвучали остерегающие слова т. Орджоникидзе о том, что не надо фокусничать и выдумывать на заводе новые виды учебы, а держаться установленных.

Один из основных видов учения на заводе — курсы мастеров социалистического труда. Они рассчитаны на подготовку в объеме 5—6 групп десяти-

летки. Вот тут-то парторганизация МЭИ и нашла жизненный ответ на решение пленума. Дело в том, что как раз наиболее ценные, старые производственники-стахановцы не имеют подготовки, требуемой на курсах; поспеть им за молодыми трудно, они начинают отставать в математике, физике, в простой грамоте. Чтоб дать им возможность учиться на курсах, не отставая, чтоб подготовить других к поступлению на курсы, чтоб подковать третьих к экзаменам, студенты МЭИ организованно пошли к рабочим-стахановцам как бы в добровольные «репетиторы». Иначе сказать, они использовали по-новому педагогический опыт студента, ту неофициальную студенческую профессию, что гоняла его «испокон веков» по урокам и летним кондициям,— использовали в три часа пятидневки, полагающиеся на общественную нагрузку.

Но вместо прежней случайности были планомерно выделены лучшие передовики учебы и прикреплены к лучшим передовикам производства, и за организацией этого дела крепко следил партком.

Чтобы подытожить опыт, в последних числах апреля, как раз перед праздником, созвали однодневную конференцию. Длилась она только два часа, выступавшие говорили по две-три минуты, но даже и тот, кто побывал на замечательных совещаниях последнего года, найдет для себя в стенограмме этой скромной конференции незабываемый, захватывающий интерес. Двести пять студентов систематически занимались с рабочими, вели дневники занятий, были проверяемы бригадиром; с той и другой стороны ни одного опоздания, пропуска, срыва; вместо положенного раза в пятидневку и назначенных трех часов — студент приходил два раза и занимался пять-шесть часов; рабочие научились обращаться со спра-

вочником, овладели терминами, формулами, логарифмической линейкой, грамотно подходят к незнакомому станку. Но главный интерес выступлений все же не в этом, а в том, что конференция отчетливо обнажила причины успеха занятий и дала возможность так же отчетливо сформулировать выводы.

Главной причиной удачи занятий оказались гибкость и жизненность их метода. Каждый стахановец получил своего преподавателя, специально для него подобранного (например, к венгерцу-рабочему был прикреплен студент, говорящий по-венгерски); занятия происходили всякий раз в те часы и там, где рабочему удобно,— иногда у него на дому; преподаватель на часы не смотрел, он сам увлекался! Между учеником и учителем устанавливалось живое общение, выходившее за рамки предмета.

Многие из выступавших рабочих благодарили студентов за то, что они помогают им разобраться в сложных вопросах, беседуют об искусстве, литературе, больше того — не отказываются и с женой подзаняться и ее подтянуть, не дают рабочему спасовать перед детьми. «Наши дети живут не так, как мы жили, перерастают нас на голову, и вот студенты помогают нам поднять культурный уровень, а это имеет большое значение в семье»,— говорил т. Вайнберг, самолюбивый, видавший виды, живший и в Германии, и во Франции, а вот «разность квадратов» была для него загадкой все 44 года производственной работы, и только сейчас он одолел ее. Многие указывают на практический склад занятий, на то, что студенты берут задачи из самого производства, примеры оттуда же, наконец помогают понять технические секреты старых мастеров. Дружба между студентом и рабочим крепнет, они уже зовут друг друга по имени, и каждый из выступающих неизменно просит,

чтоб за ним и на будущее время непременно закрепили именно его преподавателя, а не кого-нибудь другого.

Когда кто-то на конференции предложил придать этой учебе форму кружка с расписанием, создать целую группу на одного преподавателя, все участники запротестовали в один голос, стали кричать: не бюрократизируйте! Нерв успеха, причина его оказались именно в этой гибкой, максимально приближающей человека к человеку, добровольно-общественной форме труда.

И вот результат: «Когда я стала учиться, у меня развилась мысль, и я внесла два предложения, которые очень полезны для производства». Случайны ли эти слова работницы Свертковой? Нет, потому что заведующая кадрами Электрокомбината приводила на конференции такой факт: «Группа слесарей начала два месяца назад заниматься и уже внесла коллективное рационализаторское предложение, увеличивающее норму выработки на 350%».

Самому, в одиночку, или в подвинутой группе на курсах не всегда это легко дается, бывает — пустяка недостает человеку, одного звена какого-нибудь, преодоления слабого места, о котором тебе и самому невдомек, а немая книга бежит, торопится своими страницами; а лектор на кафедре тоже бежит, торопится — по расписанию. И вот ты уже отстал, тебя обогнали, ты сидишь, как и был, с повязкой на глазах, хуже того — охваченный беспокойством полузнания. Тут-то и необходима индивидуальная забота о каждом человеке. Опыт студентов МЭИ на Электрозаводе и есть новая форма именно такой заботы, дележ не только знанием («натаскивание на предмет»), но и культурным уровнем (общение по душам).

Но я не досказала бы о конференции, если б умол-

чала еще об одной черте. В связи с деятельностью жен инженеров кто-то и где-то припомнил старые, дореволюционные формы «благотворительности». Это не просто неверно, это противоположно правде. Работа жен инженеров, если только правильно расшифровать ее, есть ведь не что иное, как начало великого перехода к добровольному общественному труду. А общественный труд в социализме всегда обоюдно выгоден; его «бесплатность» и «неоплатность» вовсе не означают односторонности отдачи. Общественник в нашей стране и прямо заинтересован в работе, хотя бы тем, что обучается высшей практической науке (матери всех наук и искусств) — умению быть членом социалистического общества, и как бы сам поступает на бесплатную выучку. Заинтересован и косвенно, — возможностью более легкого и правильного нахождения себе и своим силам такого места в будущем, где он окажется всего пригодней. Два голоса — рабочего и руководителя техническими кадрами — развили каждый по-своему эту мысль на конференции.

Рабочий Игнатьев сказал о своем учителе, студенте Ивансве: «Хороший, толковый преподаватель, из него на производстве выйдет хороший командир».

А заведующая отделом кадров, кончая свою речь, подытожила:

«Те люди, которые бьются за повышение квалификации кадров, те, кто сейчас в связи с проведением учебы внедряются в жизнь завода, — это наши желанные кадры. Мы в секторе кадров Электрозавода взяли на особый учет этих студентов, и как НКТП ни распределял бы их, мы вместе с руководством института будем драться, чтоб получить их себе, так как это наши люди».

7

МГУ

Здесь читателю придется покинуть МЭИ и перенестись на Моховую. Когда-то мы называли этот великолепный архитектурный памятник «храмом науки». Четверть века назад мы ступали по его лестницам и коридорам, вдыхая особенный университетский запах пыли — смесь сукна и картона с примесью столярного клея, — воздух, стоявший в углах неведомо от чего: то ли от книжных и прочих шкафов, то ли от вешалок и швейцара, то ли от длинных сукон в ректорском кабинете. Это был запах научной солидности. Гуманитарные науки имели солидный вид.

Но старый Московский университет, именно в силу своей глубокой и давней культуры, был очень крепким оплотом той, непригодной для нас, формально-логической, идеалистической системы знаний, с которой пришлось Наркомпросу длительно бороться. Поэтому легче оказалось открыть новые гуманитарные коммунистические вузы, где готовились бы аспиранты, красные профессора, исследователи, нежели приспособить для этой цели старый университет. Отсюда и вышло то замечательное обстоятельство, что техническая школа у нас в целом — едина, то есть представляет собою *живой новый организм, выросший на месте старого*; и даже новые технические втузы, не существовавшие до революции, как бы отпочковались корешками от старых. Вы не можете назвать ни одного особого, выделенного на командную высоту, совершенно нового в смысле оборудования, пособий, методов и состава преподавателей *коммунистического втуза*. А между тем в области гуманитарной, наряду со

старым университетом мы имеем Комакадемию, ИКП и другие совершенно новые научные учреждения. Новой эпохе оказалось легче освоить техническую школу, нежели гуманитарную, которую пришлось строить заново и на новом месте.

Необходимый период острой борьбы и диференциации, когда выковывается социалистическая методика, узнаются свои и чужие, закладывается научный фундамент, пригодный для школы нового мира, этот период восходит сейчас на новый этап. Девятнадцать лет «слово» переходило в «дело», теория, как червяк в бабочку, перевоплощалась на всех точках нашей страны в жизнь социализма. И если сейчас абстрактно теоретизировать, не учитывая непрерывного воплощения теории в жизнь, то вчерашний живой борец очень легко может обратиться в завтрашнего мертвого схоласта.

Новый этап имеет свое внешнее выражение в том, что Комакадемия влилась в Академию наук, средняя школа получила огромный толчок к расцвету во всех мероприятиях, касающихся учителей, а поднять учителя — значит поднять и те институты, которые готовят учителей (потому что и потребность в кадрах, и наплывы учащихся будут,— да и сейчас уже стали!— гораздо больше), а поднять институты, готовящие учителей, это значит поднять и наши гуманитарные вузы и те их факультеты, которые готовят учителей этих учителей, то есть научных работников лабораторий, молодых исследователей, будущих творцов учебников и учебной методики. И понятно, какое огромное место займет в этом процессе мать всех наук, опора марксизма — история.

Директоры наших вузов и работники Наркомпроса должны понять происходящий перелом; ведь это от

них сейчас зависит вытянуть дело, и надо, чтоб они воистину тянули его, вытягивая, а не тянули, затягивая, на что в наркомате всегда есть большие мастера. Нельзя иметь симпатии и антипатии, создавать особую форму отношения к факультетам математическим, биологическим, физико-механическим — и особую к гуманитарным факультетам, явно симпатизируя и покровительствуя первым и недооценивая вторые. И это в то время, когда методика самых далеких от истории наук (например, электротехники, как мы видели из беседы с профессором Глазуновым) вынуждена прибегать за помощью к истории и все более «историзироваться»!

8

В дряхлом княжеском особняке на Шереметьевской лепные потолки, дубовая резьба, мрамор, и все это заношено так, словно привезено с толкучки. Здесь помещается истфак. Комнаты — маленькие, с тяжелыми дверями. Вентиляция плохая. Есть даже круглый зал, где раньше была графская домашняя часовня. Попав в него, вы думаете, что тут визжит патефонная пластинка с джазом,— такие свист, стук, звон, скрип, грохот стоят в комнате. Но вместо танцующих — неподвижные фигуры студентов, зажавших уши. Они сидят за столом под лампой.

Оказывается, этот дьявольский зал, окнами прямо на улицу, пропитанный целым полчищем непрерывных уличных шумов, это — библиотека! Здесь читают и занимаются студенты. Другого помещения для библиотеки нет. Учебная аудитория — мансарда, полукруги ее окон расположены на самом полу, так что тут свет падает на книгу не сверху вниз, а не

обычно — снизу вверх, обслуживая больше переплеты, чем раскрытые страницы. Противопожарных мер — никаких. Несколько комнат, где работают молодые историки, увешаны историческими картами-уникумами, сделанными руками самих учеников.

Вот на стене «Восточная Европа X—XII века», «Крестьянская война Разина», «Завоевание Сибири», карты колониальных грабежей, средних веков, Скифии V века. При нашей необходимости выправлять историческую методику, делать преподавание истории более конкретным, такие карты просто незаменимые учебные пособия. Их часто как «скинию» просят к себе «на подержание» то одна, то другая школа, в помощь преподавателю. И истфак соглашается, драгоценная кустарная карта пускается в гастроли по школам. Думаешь: а почему у нас столько ерунды печатают, так чудовищно много издают всяких юбилейных и ведомственных альбомов, а сейчас, к 20-летию Октября, уже есть тенденция чуть ли не у каждого треста загромоздить Изогиз своими заказами, отпечатать на веленевой бумаге с рисунками и фото спешные пудовые махины, от которых потом не будут знать, как отделаться, задаренные ими люди, а вот размножить исторические карты, отобрав среди них наиполезные и нужные, дать в школу и аудиторию необходимое зрительное пособие на стену, об этом мы не удосужились подумать.

В жизни каждого высшего учебного заведения есть свое «святая святых», мечта каждой кафедры. Это так называемый научный кабинет. Он дает возможность преподавателю не только преподавать, но и самому творчески научно работать; он помогает аспиранту; он учитывает учебный и всякий другой опыт своей кафедры; он имеет возможность издавать кое-какие труды и даже бюллетени. Обычно науч-

ному кабинету отпускаются средства, и живая работа, происходящая в нем, служит в то же время и маленьким материальным подспорьем для ряда ученых. Но как это ни странно, у исторического факультета научного кабинета нет. Мало того: бюджет факультета чрезвычайно ограничен. На всю научную работу факультета отпускается 15 000 рублей в год. За два года вышел всего только один том научных записок.

А между тем тяга к истории, серьезные таланты среди слушателей, случаи с возвратом старых историков на прежнюю работу с более «доходных» служб — все это говорит о возрождении интереса к науке.

Профессор Базилевич получил двойное образование: он и инженер-связист и историк. Как инженер он мог бы зарабатывать (и зарабатывал) очень много. Но профессор Базилевич пришел в МГУ, сказал: «я хочу перейти на историю» и восторженно, как школьник, дорвавшийся до любимой игры, организует на истфаке замечательные выставки; и любую работу, какую поручит ему факультет, «прямо из рук рвет», так велика у него пробудившаяся тяга к забытой было специальности. Это — профессор. А вот — деревенский паренек двадцати лет, из Калининской области,— Шумилов. Он пришел в Москву на истфак, как Ломоносов, с холщевой сумкой, и в сумке оказалась рукопись «История моей деревни». Так велика жажда познать свое прошлое, «чем и как люди до нас жили, что тут, на этой земле, раньше было», что Шумилов, врожденный исторический талант, выписывает из старых церквей обкусанные мышами архивы, роется в памяти стариков, висит на чужих губах — и пишет, пишет. Сын партизана, комсомолец, он приходит на истфак с прось-

бой: «Возьмите меня учиться истории!» Сейчас, несмотря на слабую подготовку, он один из самых вдумчивых и прилежных студентов.

Случай с Шумиловым говорит не об одной только тяге к истории, но и о характере этой тяги. Шумилов зажегся интересом к истории своей деревни.

Мы знаем,— и в этом вопросе наша собственная великая профессия — искусство — выступила застрельщиком,— что на историческую сцену вышли десятки советских народностей, творящих «национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру». Но мы знаем также, что эти народности мы очень мало знаем, да и сами они, эти народности, очень мало знают себя. Если дореволюционная «русская история» была историей древлян, полян и прочих, а потом историей киевского, московского, петербургского периодов, то сейчас наша советская история — это рассказ о целой семье народов Союза. Мы хотим знать их прошлое, и они хотят знать свое прошлое, и эта новая наука, «история народов СССР», она сама по себе представляет не только абсолютно необходимую для советского образования, для будущей государственной деятельности, для любой деятельности каждого нашего молодого человека — партийной, общественной, военной, художественной, научной, но и необычайно интересную кафедру, где в научную работу просто влюбиться можно и где есть место для величайших открытий и догадок. Сама по себе кафедра «истории народов СССР» может стать синтетической по собиранию вокруг себя нужного материала, к ней пойдут этнографы, географы, люди искусства, языковеды, статистики, коллекционеры-старожилы. Надо заранее это иметь в виду, чтоб не очутиться в бедности и

убожестве перед лицом растущей требовательности и политической зрелости наших советских народов. Надо дать кафедре возможность получить материальную базу, развернуть работу, связаться с местами, иметь доступ к книгохранилищам и музеям республик, вести исследовательскую работу.

Писатели, по сравнению с учеными,— жуткие богачи. Они могли бы через Дом писателя помочь истфаку устроить культурный обмен: мы ему книги, материалы, участие в наших командировках; он нам — лекции и разрешение работать в научных кабинетах, с правом консультирования ученых сотрудников. Вношу заявку на это в правление ССП!

9

Снова войдя в главный корпус МГУ, вы по привычке (недавнего происхождения) пристаете с вопросом: «Где тут у вас методический кабинет?» И узнаете, что такого вообще в университете не существует.

Методические проблемы разрешаются в кабинете педагогики (он же — иностранных языков, говоря о помещении). Профессор Огородников, заведующий этим кабинетом, как однодворец в знаменитой песенке Аблессимова: «сам и пашет, и орет, и коня поить ведет» (если не перевираю по забывчивости). Им приготовлены 25 печатных листов — обследование работы отличников. Им же систематизируются и все опыты и общественные работы, связанные со стахановским движением. Вот мы опять у самого сердца нашей темы и спрашиваем себя, чем же отличается работа МГУ от МЭИ? Может ли МГУ тоже похвастать ею? Есть ли в ней черты нового и незнакомого? Новое, несомненно, имеется.

Во-первых, здесь существенно отличается от МЭИ изменение режима студентов. И МГУ старается разгрузить их время для самостоятельной работы, но не так, как в МЭИ. Вместо объявления необязательными для посещения ряда лекций, при оставлении этих лекций обязательными для сдачи, в МГУ просто сокращено число лекций на учебный день студента. И кроме того, ряд обязательных курсов переведен в так называемые факультативные: студент не обязан их сдавать, но он может записаться на них и слушать для самообразования. В программу вообще введены добавочные факультативные предметы. Изменена и система зачетов. Пользу от этих мер еще трудно нащупать, тем более что и в МГУ я не получила учета результатов.

И второе начинание... о нем подробно.

Кто этой весной имел удовольствие волноваться за сына или дочь, кончающих десятую группу, тот знает, что на имя сына или дочери этой весной стали приходить странные письма. Раньше только мы одни, вскрывая конверт, вынимали картон с отстуканным или напечатанным множественным предложением: «Дорогой товарищ, — просим вас притти туда-то и туда-то, торжественная часть, концерт, ужин». А сейчас, глядь, в конверте, бесспорно адресованном вашему дитяти, которое хоть и держит выпускной экзамен, а все еще вы боитесь, как бы оно не простудилось, — в конверте печатное приглашение с такой же «торжественной частью, концертом и танцами». Откуда? Первыми в этом году начали это дело, кажется, институт мясной промышленности (не точно помню название) и полиграфический институт.

На больших вечерах, с собранной из московских десятых групп молодежью, вузы и втузы выпускают докладчиков, объясняющих особенности своего учеб-

ного заведения, характер и суть специальностей, какие в нем готовятся. Это — хорошо задуманная пропаганда «выбора профессии» для молодежи, начало смычки высшей школы со средней. Возникла она по пословице: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Несчастье — очень ощутительный разрыв между средней и высшей школой, недостаточная подготовленность кончивших десятилетку к учебе в университете, мало знания друг друга.

МЭИ, проводивший блестящие вербовочные кампании среди школьников еще в 1935 году, тщательно изучил пришедших во втуз ребят, и результаты этого изучения Иван Иванович Дудкин опубликовал в журнале «Высшая техническая школа» (№ 10, 1935 г.). Из его статьи видно, что удельный вес молодежи, идущей в высшую школу, по сравнению с прошлыми годами сильно возрос. Из 1 754 человек, державших экзамены, выдержали 744 человека (сравнительно с прошлым это хорошо). Но все же, несмотря на несколько бóльшую подготовленность, бóльшую грамотность, знания наших ребят еще очень низки. Между тем вузы и втузы кровно заинтересованы в выпускниках средней школы.

И вот общественная работа МГУ, его отклик на стахановское движение выразились в большом, хорошо организованном, заблаговременном походе профессуры, аспирантуры и студенчества в среднюю школу, для того чтобы помочь и преподавателю и школьнику. Формы этой помощи очень разнообразны. Тут и организация курсов для педагогов на пяти факультетах МГУ, и работа в заочном секторе обучения учителей, и консультация по выходным дням, и постоянная помощь подшефным школам.

Особенно интересно ухитрился обставить свою работу математический факультет, казалось бы, са-

мый скучный для школьников: он организовал первую школьную математическую олимпиаду, причем еще до нее разослал во все школы списки задач, рекомендуемых для решения, и провел ряд лекций по математике. И дети, которые и свои-то задачи не очень охотно решают, с жадностью накинулись на «чужие», потому что, — шутка ли! — олимпиада — чуть ли не турнир, и, кроме того, они, десятилетка, — и вдруг связь ни больше, ни меньше как с университетом, с профессорами!

Вообще занятия университетской профессуры со школьниками имеют большое воспитательное влияние на этих последних, повышают в них чувство самоуважения.

Географический факультет дал курсам заочников, проведенным с 1 по 10 января, свои кабинеты и аудитории, устраивал методические экскурсии с учителями по физической географии, на курсах педагогов-географов при Моссовете организовал лекции по метеорологии и гидрологии. Читались интересные лекции для учащихся: «Христофор Колумб», «Магеллан», «Миклуха-Маклай». Надо еще упомянуть о том, что факультет (как и другие факультеты) щедро снабжал подшефные школы книгами, учебниками, картами.

Физика, химия, биология, история, университетский музей, антропология — все несут, каждый посвоему, помощь средней школе, и надо только пожалеть, что эта помощь, за недостатком живых сил, не может распространиться на все московские школы, а вынуждена ограничиться только подшефными.

Я перечислила большую работу университета очень коротко и бегло. Но вывод уже лежит перед нами. Если втуз (в данном случае МЭИ) откликнулся на стахановское движение походом преимущественно

на завод, то вуз (МГУ) решительно двинулся в среднюю школу. Таково встречное движение интеллектуальных сил страны в ответ на рост производительности колхозного и промышленного труда.

Это — один вывод. Другой я уже сделала раньше, когда говорила о походе студентов МЭИ на Электрозавод.

Дело в том, что все почти (за ничтожными исключениями) работы высшей школы и на заводе, и в десятилетке, и на кафедрах по пересмотру программ и учебных планов — проводились и проводятся в порядке общественной нагрузки или «в порядке энтузиазма». А это означает очень многое. Заформализировавшаяся было кое-где старая «общественная нагрузка», под влиянием внутренних соков и сил нашего общества, вызвавших к жизни стахановское движение, дала новые, зеленые ростки. Оказывается, она не усохла, а только «болела» и, как отболевшее растение, отлично в эту весну 1936 года «принялась».

Перед нами — легкий, радостный, еще, правда, в наметке, но уже ясно встающий в нашей стране расцвет добровольного общественного труда, как бы приветствующий своими первыми побегами зарю новой Конституции.

P. S. Книга моя уже печаталась в журнале, когда было опубликовано замечательное постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о высшей школе, в котором нашли разрешение все коренные вопросы жизни наших вузов, в частности, и вопросы, ставящиеся в этой главе. М. Ш.

Глава VI

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ

1

Поднимем глаза на календарь, он показывает 7 июля 1936 года. Со дня опубликования проекта Конституции прошло 25 дней. И за эти 25 дней мы, советские люди, которые, казалось бы, уже привыкли к чудесам общественного творчества, опять оказываемся захваченными, потрясенными, а чувства наши — настроенными еще на один регистр выше, — от зрелища того, как гений масс раскрывает перед нами существо новой Конституции.

Ни один специально на это дело поставленный докладчик или пропагандист не раскроет и не сможет раскрыть с такой исчерпывающей полнотой и всесторонностью всего того, что заложено в проекте новой Конституции, как это сделает чтение в газетах (изо дня в день) всех мнений, поправок и дополнений, вносимых в Конституцию людьми самых разнообразных профессий из самых разных углов Союза.

Обсуждение продлится еще не один месяц. Обсуждение идет не в нескольких центральных, а и во множестве районных, заводских, колхозных, вузовских, стенных газет всей нашей великой страны. И все же, имея в руках даже неполные комплекты только газет московских и только за двадцатипятидневный срок обсужденья, каждый из нас сможет в какой-то мере обобщить эти голоса, разобраться в них и получить через их изученье более углубленный опыт в новой Конституции.

Но если любой из нас это сделать сможет, то каждый депутат Совета проделать такую работу попросту обязан. Обязан и потому, что таким путем окрепнет его знакомство и связь с избирателем, и потому, что в обсуждении есть немалая доля критики депутатской работы, немало указаний, какой она должна стать в будущем. Еще не пришла минута последней отчитки перед избирателем, а уже у многих из нас горит лицо от сознания, что мы работали мало и плохо и не сообразили, какие широкие возможности работать лучше и больше у нас были. Прошло время только «числиться» депутатом. Сейчас им уже нельзя не быть. И когда вам попадаются на глаза сочные строки о нерадивых, вы невольно подтягиваетесь, вам — пока не поздно — страстно хочется притти к «финишу» своего созыва не дутым и посрамленным, а настоящим работником.

Немка Барбара Бейльман из села Гатунг (республика немцев Поволжья) прямо говорит через головы миллионов избирателей:

> Очень важна, по-моему, статья проекта Конституции, где написано, что будут выбирать депутатов тайным голосованием. Вряд ли тогда изберут депутатом Аммершмидта, председателя нашего сельского совета. Он бездель-

ник, пустой человек. Расскажу о нем один случай. Мы, комсомольцы и пионеры, имеем свою живую газету...

На-днях «сняли» Аммершмидта как раз в тот момент. когда он опустошал бутылку. Он возьми да и трахни фотоаппарат со злостью об пол, приговаривая: «Теперь вы через этот аппарат ничего больше не увидите». Ну, и хохоту было, а ему хоть бы что: отряхнется и снова бездельничает.

(«Правда» 22/VI-36)

Из Днепропетровска ей вторит инженер М. Галемин:

На нашем заводе немало депутатов, но часто ли они отчитываются перед избирателями? Есть у нас депутат горсовета Соколов. Что он делает в горсовете — неизвестно. Соколов ни разу не отчитывался на собрании рабочих. На нашем заводе есть члены Центрального исполнительного комитета СССР и Украинского центрального исполнительного комитета. Слушали ли мы их хотя бы один раз? Нет. Многих из них рабочие уже позабыли.

(Там же)

А казак Сталинградского колхоза А. М. Вдовин тоже на этот счет не молчит:

Кого я буду выбирать теперь? Честных, грамотных, работоспособных казаков, но не таких, как председатель нашего колхоза Курепин. Этот без матерщины слова сказать не умеет. Не объяснит, не расскажет человеку, а только облает его и с этим и уйдет. Такой в Совете нам не нужен.

(«Известия» 28/VI-36)

Люди, к которым относятся эти чудесные по яркости и простоте характеристики, «припечатаны» ими и до своей отчитки. Люди эти далеко, где-то там за сверкающим кругом наших столиц. Казалось бы, нечего беспокоиться. Но М. И. Фролов, депутат Ленинградского совета, беспокоится всерьез и заранее, хотя до него еще не дошло дело:

Я был пассивным депутатом. В этом во многом виноваты Ленинградский совет и его аппарат. Они не научились еще по-настоящему привлекать депутатов к активной государственной работе.

В Ленинградском совете укоренилось мнение, что прежде чем давать депутату какую-либо работу, надо его сначала учить. Эта учеба заключается в том, что депутату поручают обследовать маленькое предприятие или мастерскую и написать докладную записку. Меня тоже так обучали, хотя я человек грамотный, активный и умею работать. Дали два задания. Я их выполнил, и очень неплохо. После этого обо мне забыли. Я не раз напоминал о себе, но люди отмахивались, говорили: подожди, загрузим. Вся моя депутатская деятельность ограничивалась присутствием на пленумах и секциях совета.

(«Правда» 26/VI-36)

Весь этот год мы, депутаты, были свидетелями попыток раскачать нашу работу и сделать ее более действенной. Нас стегнула газета за неуменье доводить дело до конца. Многие секции «переливали из пустого в порожнее», то есть ограничивались посылкой депутата на обследование и подшивкой этого обследования, а иногда и простым вложением его в «дело» — смятую и ненумерованную, хаотически хранимую в ящике груду документов, а что будет дальше с обследованным объектом — упиралось в бессилие депутата и не входило в его задачу. Жаловались и на то, что «нас учреждения не уважают», то есть упорно отмалчиваются на вызовы секций или посылают чуть ли не курьера.

Все это было еще вчера. Но не успели засветиться буквы проекта новой Конституции, не успела заговорить страна, как тотчас же словно сдунуло ветром и нашу лень, и наше неверие, потому что в самом депутате, подхлестнутом голосами реальных людей, избирателей, быстро мобилизуются «внутренние ресурсы», необходимые на действие и борь-

бу. То, чего никак не могли добиться в советах, — огромное оживление депутатской работы, — сразу вспыхнуло во всех концах.

Но тут напрашивается и еще одно замечание.

Статья 140 в проекте Конституции читается так: «Голосование при выборах депутатов является тайным».

Одиннадцатая глава, где находится эта статья 140, посвящена избирательной системе, причем в первом ее разделе, статье 134, перечисляются все особенности наших выборов (всеобщие, равные, прямые, тайные), а в последующих статьях разъясняется шире, как надо понимать каждую из этих особенностей. Между тем формулировка статьи 140, на первый взгляд, по существу дела ничего не разъясняет и не прибавляет к уже сказанному в статье 134, к тому же она и литературно звучит не очень складно, поскольку слово «является» имеет своим смысловым корнем явь и плохо вяжется со словом «тайное». Хотелось бы тут другого глагола — «происходит», «протекает» и просто без глагола — «голосование тайное», но не «голосование является тайным».

Но речи немки Барбары Бейльман и казака Вдовина неожиданно открывают перед нами диалектику нашего избирательного права, непохожего ни на какое другое в мире; и это случайное и кажущееся противоречие получает свой смысл. В какой же еще стране в мире возможно это — радоваться «тайне» и тут же явно провозглашать на весь Союз, что бездельника и пустого человека Аммершмидта она уже наверняка не выберет, как это сделала Бейльман? И разве побоится кто-нибудь после ее слов провалить Аммершмидта?

Но мы забежали вперед. Вернемся к лежащим перед нами документам и начнем по порядку.

Всенародное обсуждение Конституции не оказалось для советского гражданина полнейшей новостью. До него был обсужден закон о запрещении абортов.

Проект этого закона и его окончательная редакция, как известно, не во всем совпадают. «Известия» в передовой от 28 июня рассказывают об этом так:

> Принятый закон учитывает ряд поправок, которые вносились гражданами во время обсуждения проекта. Расширены условия допущения аборта пунктом о тяжелых заболеваниях родителей; введены изменения в пункт о государственном пособии многодетным матерям; введен пункт о распространении закона о пособиях на уже имеющиеся многодетные семьи; введен пункт о двухсменной работе в яслях, со включением выходных дней; изменена цифра алиментных взысканий, согласно указаниям граждан. Эти поправки, по сути дела, отражают большинство наиболее многочисленных предложений и поправок, которые делались в процессе обсуждения законопроекта.

Те, кто молчали во время обсуждения, не верили в силу своего слова, думали по старой многовековой привычке, что законы «не про нас писаны» или «свыше даются», оказались в убытке, проморгали действительную возможность и свое слово сказать о собственных интересах, а главное — суметь пережить ни с чем не сравнимое чувство включенности, чувство, когда ты входишь в круг.

Но обсуждение Конституции — шире и важнее обсуждения проекта одного какого-нибудь закона. Если там на первый план выходит практический интерес, то здесь во весь рост становятся и принципиальные вопросы. И мы сейчас увидим, какой высокий класс показала наша страна в понимании и этих вопросов.

Обсуждение началось с первого дня опубликования Конституции. Вначале оно вылилось в приветствия и ликованья. Люди радовались, находили для этого свежие слова. Под шумок к ним двинули было свою пыльную артиллерию и те, кто привык по всякому поводу составлять резолюции, набирать фразы и ляпать штампы, дохнув на них безразличным ртом. Но мелькнувшую было официальщину закрутило, словно сухой листок в потоке, простой человеческой искренностью задетых за живое миллионов.

Во всех концах Союза встают взволнованные люди, и «оратор» в них неизменно уступает «рассказчику», тянет сравнить с прошлым, повспоминать на людях. Многое такое, что ни из каких архивов не узнаешь, в эти дни у нас всенародно рассказано.

Я изучала моих избирателей — Центральный московский телеграф — чуть ли не месяц. О прошлом телеграфиста собрала документы, цифры, книги, но как ни интересны они, а последний живой штрих, ту «точку в зрачке», которой настоящий художник животворит портрет, мне поставили не эти цифры и документы, а обсуждение Конституции.

Тихий Сергей Семеныч — не из книги, из жизни — проработал 36 лет в Серпухове на телеграфе. Работал молчком. А на обсуждении взял слово:

> За 17 лет своей работы в связи до революции я не имел ни одного выходного дня, ни одного дня отдыха. Не полагалось. По воскресеньям и то работали до половины дня. Об отпусках не мечтали. Теперь сравните: за 18 лет советской власти я имел... сосчитайте-ка... 12 месяцев в году, каждый месяц — 5 выходных, вот и выходит тысяча с лишним выходных дней. В отпуске же я бываю каждый год по две недели, причем раза четыре бесплатно ездил в дома отдыха. Работали прежде тоже не по 7 или 8 часов, как сейчас, а с 7 утра до 10 вечера.

— Я из крестьян,— продолжал Сергей Семеныч.— отец был отходником, работал на железной дороге. Мы принадлежали к так называемому податному сословию. Чтобы получить первый чин, надо было «беспорочно», т. е. безропотно, совершенно потеряв человеческое достоинство, прослужить 12 лет. Поэтому мое первое звание было такое: «почтово-телеграфный чиновник, не имеющий чина, шестого разряда, низшего оклада».

— Чин я получил только через 12 лет, а чтобы заработать право на пенсию, надо было прослужить не менее 35 лет такой же «беспорочной» службы. Человек, потерявший трудоспособность на работе, но не прослуживший этого срока, лишался права на пенсию.

— Еще хочу рассказать про мою женитьбу. Жениться чиновник мог только с разрешения начальника почтово-телеграфного округа (начальник связи нескольких губерний). Для того чтобы получить разрешение, надо было представить доказательство, что у тебя имеются доходы помимо жалованья, так как считалось, что на чиновничье жалованье с женой прожить нельзя. И вот, пришлось мне упросить мою будущую тещу дать мне бумагу, нотариально заверенную, что она, мол, обязуется уплачивать мне, своему будущему зятю, по 25 рублей в месяц. Только тогда и разрешил начальник жениться... Многие брали взятки, «чаевые», «праздничные», чтобы составить капиталец, который позволил бы им обзавестись семьей.

(«Социалистическая связь» № 87/180)

И много таких рассказов о прошлом, где почтово-телеграфные служащие, важнейшие кадры в стране, ее незримые дороги от человека к человеку, люди, державшие связь меж людьми, проводники жизни общества, оказывались в прошлом на положении рабов, лишенными самого простого человеческого достоинства, не имели права под страхом увольнения выходить замуж, рожать: «телефонистки, скрывая беременность, носили корсет и рожали буквально у коммутатора» («Вечерняя Москва», 17 июля). Этот взрыв воспоминаний о прошлом, переходящий в неизбежное сравнение с сегодняшним, как «ты-

сяча и один день» пошел из уст в уста по всей стране. Вспоминают крестьяне, рабочие, люди, пережившие четырех царей в возрасте, равном целому веку, вспоминают цыгане и те, кого в старой России звали «инородцами», вспоминают иностранные рабочие, новая жизнь которых началась три-четыре года назад, с переездом границы.

Когда будет издано все сказанное нашим народом о Конституции (а издать это необходимо), наше искусство получит в нем ту высокую конкретность человеческого документа, где, кроме правды, есть еще и волнение живого голоса человека.

А пока мы из этих воспоминаний о прошлом делаем для себя один немаловажный вывод.

Читая бесчисленные рассказы, где дается параллель—«раньше так было, а вот сейчас», мы видим, что все без исключения рассказчики сравнивают прошлое не только с самим текстом Конституции, то есть не только с написанными на бумаге благами, а с нашей действительной советской жизнью, то есть с теми же самыми благами, осуществляемыми и действующими на нашей земле.

Здесь мне тоже хочется сравнить и вспомнить. Свыше тридцати лет назад, когда я была «пансионеркой» в гимназии Ржевской, то есть училась в так называемом закрытом пансионе, нам вечером подали чай с кренделями — в честь «дарованной конституции». Чай с кренделями был необычен, конституция была необычна. Ее «даровали» самодержавно в стране, где до тех пор это самодержавие царило неограниченно. Мы, выпускники, были дружны со многими своими учителями, говорили с ними о политике, учителя любили либеральничать, и, как сейчас помню, за чаем мы слушали втихомолку недоверчивые усмешечки и скептические шуточки. Никому в голову

не пришло сравнить прошлое с настоящим, никто не сказал «а вот у нас сейчас», даже самые доверчивые ждали, чтобы это дарованное «сейчас» перешло в жизнь, а оно тотчас перешло в кровавые еврейские погромы, в подавление штыками и нагайкой свободы демонстраций, в белые полосы газет, где цензура выкраивала ножницами «свободу слова». Настоящая конституция не может быть «дарована», она может лишь выявить и закрепить те обычаи и права, для которых имеются материальные предпосылки в данных общественных отношениях. Вот почему наша Конституция столь отлична от конституции буржуазных государств. И вот почему наш народ, радуясь и сравнивая, чувствует и сравнивает свою реальную жизнь[1].

3

Приветствия и рассказы первых дней обсуждения Конституции еще не имели для читателя ничего нового. Но вдруг на печатной полосе мы увидели короткую строку. Эта строчка не была даже подписана крупным именем. Не ученый и не директор, не знатный гражданин, а вообще кто-то, один из множества, Иванов или Петров, даже фамилия не запомнилась,— критикнул проект Конституции, вдобавок не слащаво, как это иной раз бывает с некоторыми «старателями», а в полный голос и очень правильно. Третьей стадией в обсуждении Консти-

[1] Один из первых юристов в истории человечества, римлянин Паулус, говорил, что: «Non ex regula jus sumatur, sed ex jure, quod est, regula fiat». (Не из закона выводится право, но из права, которое существует, возникает закон.) Великие декреты первых лет нашей революции были прежде всего постулатами нового, реального права нового победителя-класса, а не постулатами закона, выдуманного безотносительно к производственным отношениям.

туции и стало ее критическое чтение, обдумывание каждой ее фразы, внесение ценнейших дополнений, поправок, предложений, которых уже сейчас неисчислимо много накопилось не только в крупных и центральных, а и в самых, казалось бы, маленьких и далеких газетках Союза.

Дневник мой, писанный по горячему следу первых двадцати пяти дней, выйдет к читателю неполным, не захватив множества новых поправок и дополнений. Но, повторяю, даже и те, что сделаны в первый же месяц, позволяют наметить некоторые выводы.

В Конституции всех глав 13. Они расположены в следующем порядке:

I. Общественное устройство.
II. Государственное устройство.
III. Высшие органы государственной власти СССР.
IV. Высшие органы государственной власти союзных республик.
V. Органы государственного управления СССР.
VI. Органы государственного управления союзных республик.
VII. Высшие органы государственной власти автономных советских социалистических республик.
VIII. Местные органы государственной власти.
IX. Суд и прокуратура.
X. Основные права и обязанности граждан.
XI. Избирательная система.
XII. Герб, флаг, столица.
XIII. Порядок изменения Конституции.

Передовицами и статьями в газетах, докладчиками и пропагандистами на местах основные идеи Конституции, то, что больше всего поразило рабочих всех стран и вызвало отклики во всем мире,— эти идеи выделяются и упоминаются в неразрывной связи. Когда газеты говорят про труд как обя-

занность каждого нашего гражданина («кто не работает, тот не ест»), они неизменно добавляют и про то, что каждый гражданин имеет право на труд, то есть на получение работы и оплату за нее по количеству и качеству. Оба эти положения нашей Конституции (обязанность и право) неделимы и замечательны именно в их связи, потому что только в социализме труд, становясь обязанностью, раскрывает тем и свою правовую природу. Мы знаем также, что то и другое (обязанность трудиться и право на получение труда) возможно у нас только благодаря социалистической форме нашего хозяйства, благодаря тому, что «хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом» (стр. 8), «отсутствием хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» (стр. 26). Казалось бы, и в тексте Конституции (как в газетных статьях) оба эти положения должны стоять рядом.

Между тем они разделены целыми восемью главами, целыми семнадцатью страницами. Притом разделены не только эти два положения. Первая глава, говорящая про обязанность труда, в статье 11 упоминает о государственном народно-хозяйственном плане, который определяет и направляет наше хозяйство «в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности». А выше процитированная мною строчка об отсутствии хозяйственных кризисов и ликвидации безработицы, так и напрашивающаяся в эту статью о плане, взята уже из главы X, со страницы 26, из статьи 118, говорящей о праве на труд.

Такой большой промежуток между двумя сторо-

нами одного и того же закона о социалистическом труде и одной и той же характеристики социалистического хозяйства не мог не броситься в глаза читателям при изучении Конституции.

Москвич Мохов 5 июля в «Правде» предлагает перегруппировать главы, то есть главу X («Основные права и обязанности граждан») вставить непосредственно после главы I («Общественное устройство»):

> ...Что составляет основу основ и, если можно так выразиться, душу проекта Конституции? Несомненно глава I об общественном устройстве, глава X об основных правах и обязанностях граждан и глава XI об избирательной системе. Почему бы эти главы не расположить одну за другой, выдвинув таким образом на первый план статьи, трактующие о правах и обязанностях советских граждан?
>
> При такой перегруппировке мы получили бы следующее построение. Глава I — общественное устройство, глава II — основные права и обязанности граждан СССР, а дальше следовали бы разделы Конституции, отражающие пути и средства реализации этих прав: избирательная система, государственное устройство, управление, судопроизводство и т. д.
>
> Такая перегруппировка имела бы не только логическое оправдание. Она привела бы к тому, что в нашей Конституции еще более ярко и выпукло была бы отражена сталинская забота о человеке. Тем самым еще в большей мере было бы подчеркнуто значение Конституции как величайшего документа сталинской эпохи, утверждающей счастье народов, права гражданина и человека...

Некоторых читателей смущают три первых статьи первой главы Конституции. В первой статье — у нас государство рабочих и крестьян, во второй — у нас советы депутатов трудящихся, в третьей — вся власть у нас принадлежит трудящимся города и деревни.

Некоторые воспринимают это как разночтение и предлагают всюду ставить одно определение: «тру-

дящиеся». Лично мне кажется, что эти обозначения поставлены не зря, что они дают историческую функцию развития нашего населения, и менять их сейчас — значит лишать Конституцию историчности, уничтожать память о социальном происхождении первого в мире социалистического государства. Кроме того здесь дается и указание на то, что хотя грани между классами у нас стираются, все же остаются еще и известные некоренные отличия.

Большое количество предложений касается будущего развития нашего общества. Конституция исходит только из социалистического государства. Как же мы выросли, что именно из массы поднимается очень много голосов о том, чтобы Конституция указала и на дальнейшую цель нашего общественного развития, на коммунизм!

В основном законе нашего государства должна быть определена конечная цель СССР — построение коммунистического общества. Поэтому предлагаю добавить к главе первой об общественном устройстве следующую статью: «Конечной целью СССР является построение коммунистического общества.

Ф. Гуляев (Москва)
(«Правда» 1 июля)

Если говорить о дополнениях, то, может быть, стоит добавить раздел, описывающий цели и задачи, которые ставит перед собой в дальнейшем наше социалистическое государство. За образец формы изложения этой декларативной части следовало бы взять, например, изумительную по силе статью 123 проекта Конституции.

Проф. Тумаркин

(Газета «За пролетарские кадры». Процитировано в «Вечерней Москве» 7 июля).

В новой Сталинской Конституции с предельной ясностью записано все то, что уже достигнуто и завоевано

нами. Но ведь нельзя же довольствоваться уже достигнутым. По-моему, в Конституции должна быть записана наша конечная цель. Поэтому и предлагаю включить в текст следующую статью: «Союз советских социалистических республик своей конечной целью имеет осуществление в СССР идеи великих мыслителей Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина: построение и установление полного комунистического общества, осуществление принципа коммунизма «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

М. Ананьев
Домодедовский кирпичный завод
(«Вечерняя Москва» 3 июля)

Глава XI («Избирательная система») подверглась множеству поправок, сводящихся, главным образом, к двум статьям—137 (о правах женщин) и 142 (об отчетности депутатов).

Чтоб понять эти поправки, взглянем на главу. Построена она так: в ее первой (134) статье дается определение нашей выборной системы и характеризуется голосование (как всеобщее, равное, прямое и тайное). В каждой последующей статье дается расширенное определение этих четырех характеристик. Последние две статьи говорят о праве выставления кандидатов и об отчетности депутатов. Но это стройное деление главы разбивается прибавкой двух статей, 137 и 138, отдельно говорящих о выборном праве женщин и красноармейцев. Сделано это потому, что Конституция, политический документ мировой важности, должна особо выделить полноту нашей демократии, где женщине давным-давно даны все мужские права и где наши красноармейцы широко и полностью участвуют в управлении страной, в то время как женщины и солдаты в других странах более или менее бесправны.

Но, выделив и подчеркнув эти два пункта в п р о е к т е, нужно ли переносить их в утвержденную Конституцию, когда для нас в них давно уже нет ничего нового или необычного? Не проще ли, чтобы статья 136 читалась так:

«Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин или гражданка имеют право избирать и быть избранными независимо от пола, расовой и национальной принадлежности, вероисповеданья, образовательного ценза, оседлости, пребывания в рядах Красной армии, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности».

Необходимость вводить лишние две статьи 137 и 138 тогда совершенно отпала бы. Эту поправку предлагают очень много граждан.

Я предлагаю изъять 137-ю и 138-ю статьи проекта Конституции. Мы, женщины Советского союза, со дня Октябрьской социалистической революции имеем одинаковые права с мужчинами. Что касается наших родных, доблестных красноармейцев и их командиров, являющихся гордостью Страны советов, то разве кто сомневается хотя бы на минуту, что они являются полноправными гражданами социалистической родины? Достаточно, по-моему, перечислить всех имеющих избирательные права в статье 135-й.

Э. Звиргэдынь,
работница-токарь (Москва)
(«Известия» 23 июня)

Я считаю, что нет необходимости в специальных статьях о равноправии женщин. Советская женщина имеет равные права с мужчиной с первого дня Октябрьской социалистической революции. Достаточно дополнить статью 136-ю проекта Конституции одним словом, чтобы надобность в специальных статьях отпала. Для этого я предлагаю изложить начало 136-й статьи так: «Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет право

избирать и быть избранным независимо от пола, расовой и национальной принадлежности и т. д.

Наталья Федченко (Ленинград)
(«Известия» 26 июня)

К статье 141 (о праве выставления кандидатов) было предложено тоже очень много поправок. По этой статье право выставления кандидатуры принадлежит только организациям (коммунистической партии, профессиональным союзам, кооперативам, организациям молодежи, культурным обществам и пр.). Но, например, домашние хозяйки, составляющие в этот призыв солидную группу в советах (в одном Моссовете свыше ста), или жены инженеров, чья активность дала стране очень много, ни к одной из этих организаций причислены быть не могут, — как быть с ними? Поправки предлагают внести отдельный пункт о них.

Есть и еще выход, более разумный и практичный: организовать так называемые «неорганизованные части населения», ставшие уже общественно активными, по какому-либо из перечисленных организационных признаков в союзах или кооперативах (жактах) — и тогда право выставлять кандидатуры будет и у них. Между прочим, были голоса, которые предлагали, чтобы каждый гражданин имел право выставления кандидата. Одному из них, профессору Дубинину, очень хорошо ответил С. Гальперин из Киева:

Я не согласен с проф. Дубининым, предлагающим предоставить право выставления кандидатур, помимо общественных организаций, отдельным гражданам. Я не представляю себе советского гражданина, который не входил бы в одну из организаций, перечисленных в статьях 126 и 141, не представляю себе также, чтобы советский гражданин, совершая столь важный шаг, как вы-

ставление кандидатуры, не захотел бы посоветоваться со своим коллективом; таким образом, правом, которое предлагает проф. Дубинин, по существу не будут пользоваться, так как оно не нужно.

(«Известия» 23/V)

Его ответ, если вдуматься, поможет правильно разобраться и в вопросе о домашних хозяйках и женах инженеров.

4

Полемика между читателями, — высказывание за и против уже сделанных предложений — вообще очень интересна. Сперва она была единичной и не очень продуманной (например, полемика об изменении герба, — кто-то предложил вместо наших «устаревших» серпа и молота нарисовать трактор и паровой молот), но потом в ней наметились приливы к определенным узловым точкам. В просмотренных мною газетах этих точек полемических скоплений, взрывов спора между самими читателями можно насчитать до четырех, и все четыре касаются очень больших вопросов:

1) Давать или не давать избирательное право служителям религиозного культа? Советская власть дает. Но некоторые граждане протестуют. Разве труд попа — не обман народа? Как вести антирелигиозную пропаганду, если обманщик-поп получает право голоса в стране наравне с людьми, боровшимися кровью за социализм? Наконец, есть разные попы, есть снявшие рясу и трудящиеся, а другие до сих пор крепколобы, давайте, одним дадим, а другим не дадим. Но навстречу этим встревоженным голосам несутся другие.

У тебя есть голова на плечах, — отвечает читатель, — какая ты будешь организация, если выставишь в своем списке попа, да еще крепколобого? Чего ты боишься при нашей силе и мощи, при великом росте нашей сознательности? А вот ругали нас до сих пор за границей за притеснение попа, пусть сейчас попробуют пошипеть. И не обленились ли мы работать с населением, если боимся допустить попа к урне?

Так, приблизительно, говорят читатели. Но еще замечательней говорит некто В. Окулов, со станции Джанкой:

> Прочитав в «Комсомольской правде» отклик т. Матвеева из Свердловска на проект Конституции, я решил немедленно ответить ему. Я не согласен с предложением Матвеева об ограничении избирательных прав лиц, не занимающихся общественно-полезным трудом, в частности служителей религиозных культов. Я думаю, что у нас каждый гражданин может избирать и быть избранным, что и записано в статье 135.
>
> («Комсомольская правда» 27/V)

Чем замечательна эта коротенькая заметка? По ней, как будто, лица написавшего не увидишь. Слова скромные, не полемические, — кто он, уж не комсомолец ли, не передовой ли гражданин, которому никакой дурман не страшен?

Станьте на минуту инженером душ и разберите на части механизм этого краткого душевного движения, вылившегося в десять газетных строк. Я могу, конечно, ошибиться, но мне кажется: автор этой заметки «кровно» задет, то ли он сам из «духовных», то ли он сын или родственник «служителя культа». Матвеев из Свердловска, запротестовавший в печати, так испугал автора этой заметки, что он решил «немедленно» ответить. Он «не согласен» с Матвеевым. Но к чему

он прибегает за помощью? К букве, к букве написанного в проекте, он почти кричит своими тихими словами «что и записано в статье 135». Он защищает записанную статью от Матвеевых, отчаянно испуган, что эту записанную статью вдруг можно взять да и снять, и в крике его «что и записано» так и встает старая дореволюционная психика, упованье на «сказанное в скрижалях». И если пойти еще дальше в разборе «душевного механизма», то можно допустить, что человек, так уцепившийся за дарованное ему советской властью гражданское право и достоинство, так уповающий на советскую скрижаль,—этот человек при всей своей чуждости уже против советской власти голосовать не будет. Включенность—величайшая школа нашей общественной педагогики.

2) Суд и прокуратура. Вокруг этой главы Конституции спор идет не менее горячий в выражениях и очень настойчивый по теме. И — что самое главное — горячо обсуждают главу не только люди, имеющие к ней прямое касательство, — т. Крыленко, т. Антонов-Саратовский и т. д., — но и самые разнообразные слои населения. Читая полемику прокуроров о том, нельзя ли заменить функции Наркомюста наркоматом суда, мы понемножку входим в «курс дела», как говорится, и, будучи даже профанами, понимаем, что Конституция не зря создает три узла юридической власти в Союзе: Верховный суд, прокуратуру (читатели предлагают установить для прокурора СССР звание «генерального прокурора» по терминологии Ленина) и Наркомат юстиции. Понимаем, что именно разделение функций между этими тремя самостоятельными учреждениями в Союзе поднимет нашу социалистическую юстицию на новую высоту, обеспечит полноту контроля.

Но если прокуроры жарко спорят об организации

власти, размежевании функций, четкости аппарата, то советский гражданин, заинтересованный для себя в суде скором и справедливом, спорит о более близких и понятных для всех нас вещах, и его замечанья, как выразились бы старые гегельянцы, гораздо предметнее.

Во-первых, о сроке работы прокурора СССР. Верховный суд, на который возложен надзор за деятельностью всех судебных органов Союза и республик, избирается на пять лет. Верховный совет Союза, представляющий высшую государственную власть в стране, избирается на четыре года. А прокурора СССР Верховный совет назначает сроком на семь лет. Таким образом власть прокурора «переживает» срок жизни назначившего его Верховного совета. Почему дан такой срок? Правилен ли он? Может ли новый Верховный совет отвечать за прокурора, назначенного не им, а его предшественником? Множество читателей высказывается по этому поводу. Почти все стоят за сокращение срока. Начальник цеха Моспочтамта тов. Потапов предлагает сократить срок не только прокурора, но и Верховного суда до тех же четырех лет («Социалистическая связь» 2 июня), а вот работник Гастронома № 1 тов. Алексей Передков не согласен с этим:

> Ряд товарищей предлагает изменить ст. 114: уменьшить срок, на который назначается прокурор, с 7 до 5 лет. Я с этим не согласен. Длительный срок даст возможность прокурору глубже вникнуть в суть работы, лучше с ней освоиться.
>
> («Вечерняя Москва» 26 июня)

Многие просят ввести для прокурора и судей ответственность не только за проступки, но и за судебные ошибки.

Надо внести в Конституцию статью об особой ответственности прокурора и судьи не только за их служебные проступки, но и за ошибки, из-за которых пострадал живой человек. Это заставит прокурора и судей максимально добросовестно и внимательно изучать каждое дело.

Персональный пенсионер Г. Максимов (Москва)

(«Правда» 26 июня)

Нельзя быть неответственным за брак ни в каком деле, говорит наш советский гражданин.

Большое внимание оказывает читатель и народным судьям. Повидимому, тут у него наболело, и брак в этой области очень еще велик. Читатель требует права отзыва негодных судей, поскольку они выбраны; предлагает установить для них образовательный ценз (не ниже среднего), требует от судей отчетности. Сами нарсудьи предлагают дополнения, ограждающие их независимость, о которой говорится в проекте Конституции. Так, нарсудья Западной области тов. Козлов пишет:

Необходимо дополнить статью 109-ю проекта Конституции разделом о порядке выставления кандидатур при выборах нарсудей. Если кандидатуры будут выставляться районными общественными организациями, то выбранный судья будет от этих организаций в какой-то мере зависеть. Право выставлять кандидатуры нарсудей должно быть обеспечено только за областными организациями.

(«Известия» 3 июля)

Хотя статья 127 (никто не может быть арестован иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора) и не входит в главу о суде и прокуратуре, но обсужденье этой статьи тесно примыкает к ней. Читатели обсуждают статью с двух сторон. Во-первых, как примирить с законом о неприкосновенности личности так называемый дисциплинарный

устав, имеющийся в некоторых учреждениях и дающий право целому ряду лиц производить аресты по месту службы? И во-вторых, как поступать в случае поимки хулигана, вора, убийцы, если на руках еще нет санкции прокурора или постановления суда?

Оба эти вопроса (как оградить личность от арестов по дисциплинарному уставу и как оградить личность от хулиганов, которых нельзя арестовать без санкции) ясно указывают на необходимость какого-то уточнения статьи 127. Предложений по этой части очень много. Одни советуют организовать дежурные судебные камеры:

> Я не согласен с товарищами, которые из соображений необходимости борьбы с хулиганством предлагают изменить ст. 127. По-моему, никакой поправки к статье, обеспечивающей неприкосновенность личности, вносить не надо. Нужно только улучшить работу судебных органов, сделать их более оперативными и поворотливыми. Я предлагаю организовать дежурные камеры судов, функционирующие днем и вечером, а в крупных городах даже ночью, которые могли бы тут же разбирать случаи хулиганства и сразу же выносить приговор. Это мероприятие искоренит остатки хулиганских поступков.
>
> Б. Цейтлин (г. Баку)
> («Известия» 4 июля)

Но эта мера, — при наличии милиции, — пожалуй, только увеличит громоздкость судебного аппарата и, вместо того чтобы сделать его гибким, поведет к судебной халтуре и бездне ошибок.

Другие, высказывая опасения «как же это так? от хулиганов житья не будет», требуют права ареста с уточнением срока предъявления санкции.

Ближе всех, мне кажется, подошел к вопросу токарь депо им. Андреева, орденоносец В. М. Пясецкий. Привожу его слова целиком:

Статья 127 проекта говорит о том, что никто не может быть арестован без санкции прокурора или постановления суда. Но ведь могут быть случаи хулиганства со стороны отдельных граждан или другие мелкие преступления. В случае, если совершающий такие преступления не будет арестован немедленно, он может избегнуть ответственности перед законом. Я задавал этот вопрос многим товарищам. Одни говорят, что в подобных случаях виновные будут задержаны, пока будет получена санкция прокурора. Другие же утверждают, что по смыслу Конституции даже в таких случаях нельзя будет временно задерживать преступников.

Мне кажется, что во избежание кривотолков следовало бы в 127-ю статью внести следующее добавление:

Органам милиции предоставляется право задерживать на месте лиц, совершивших преступление, однако при условии, что не более чем через шесть часов будет получена санкция прокурора на содержание задержанных лиц под арестом.

(«Известия» 29 июня)

Тут что основное? Разница в аресте и в задержании. Если мы четко определим эту разницу, изгоним из дисциплинарных уставов слово «арест», заменив его «задержаньем», и уточним срок, на который можно задержать человека без предъявления ему санкции на арест, то это и будет достаточной гарантией, вытекающей вдобавок из той же неприкосновенности личности.

А нужно ли вводить именно в 127-ю статью Конституции главу о праве задержания — это вопрос спорный. Такой документ, как Конституция, силен своей монументальностью, контурами главных незыблемых устоев, его нельзя «разжижать» и расслаблять второстепенными вставками. В комментариях к Конституции, в уложениях законов эта поправка читателей необходимо должна быть учтена, тем более, что без права задержания при покушении на социалистическую и личную собственность, при

уголовном и хулиганском нарушении общественного порядка и прав личности и коллектива — нельзя и гарантировать неприкосновенность этих прав. Но если не следует разжижать текст Конституции второстепенными вставками, то абсолютно необходимо, для усиления его единства, сделать в нем кое-какие перегруппировки.

Мы уже знаем, что многие граждане предлагают главу X (о правах и обязанностях) поместить непосредственно после I главы (об общественном устройстве).

Внимательно перечитывая Конституцию, хочешь предложить еще одну перестановку. Статья 10 в первой главе (об охране личной собственности граждан законом) не вяжется с общей темой первой главы, дающей основные принципы нашего общественного устройства. Ведь нельзя охрану личной собственности отнести к основным принципам нашего общества, да еще и не упоминая в той же главе об охране социалистической собственности. Между тем статья эта, прямо относящаяся к главе X (о правах и обязанностях), там как раз и отсутствует. Может быть, это отсутствие и вызвало ряд читательских добавок к статье 127. Предлагаю поэтому статью 10 изъять из первой главы и поместить непосредственно за статьей 128 в десятой главе, которую, вслед за Моховым, считаю и я необходимым сделать не десятой главой, а второй.

То же самое можно сказать о начальном абзаце статьи 12 главы первой: «Труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу «кто не работает, тот не ест». Этот абзац тоже имеет прямое отношение к главе X о правах и обязанностях нашего гражданина.

Предлагаю этот абзац сделать отдельной статьей, перенести его в главу X (а по-нашему — вторую) и начать именно с него перечень обязанностей гражданина СССР.

Тогда теперешняя десятая (а по-нашему — вторая) глава предстанет перед нами полною, с исчерпывающим перечнем прав и обязанностей. Тогда право на труд и обязанность труда — во всей силе их двуединства — лягут рядом. И тогда охрана законом трудовой личной собственности граждан и закон об охране социалистической собственности, во всей красноречивой силе его формулировки, тоже лягут рядом, и мы наглядно увидим разницу между этими двумя видами собственности, личной, лишенной у нас корня для накопления, и общественной, «источника богатства и могущества родины», «источника зажиточной и культурной жизни всех трудящихся», не просто «охраняемой законом», но с добавлением, что лица, на нее покушающиеся, «являются врагами народа».

При такой перегруппировке становится более монолитной и первая глава.

Вслед за девятой статьей, перечисляющей формы нашего хозяйства, пошло бы (на место вынутой десятой статьи) определение основ нашей хозяйственной жизни (нынешняя статья одиннадцатая). А за ним, все более уточняя и поднимая, как знамя, вверх единственную в мире выразительность нашего строя, грядущего строя всего человечества, могли бы пойти:

Статья 11. В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого — по его способностям, каждому — по его труду».

И — по требованию многочисленных наших граждан:

Статья 12. Развитие СССР имеет целью осуществление принципа коммунизма: «от каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям».

5

Осталось разобрать третью и четвертую группы читательских замечаний — по второй главе Конституции (о государственном устройстве) и по вопросу об органе управления наукой и высшей школой.

Вторая глава Конституции, перечисляющая наши республики и их взаимоотношения с Союзом, как будто ничего трудного для понимания не содержит. На самом же деле она вовсе не так проста, и недаром т. Калинин в своей речи так долго останавливается именно на ней. Дело в том, что эта глава, дающая очерк государства, имеет в себе те, еще почти неуловимые особенности социалистической государственности, которые напоминают нам о будущем отмирании государства при коммунизме. Иначе сказать, в них начинают проступать общественные функции власти или, еще точнее, управляющие функции общества. А это делает наше государство непохожим ни на какое другое в мире.

В чем жё выражаются упомянутые особенности? Прочитайте внимательно 14-ю статью. В ней перечисляется все, что входит в компетенцию Союза, то есть нашего советского государства, образованного «на основе добровольного объединения равноправных советских социалистических республик» (статья 13). Обычно, при перечислении прав государства, это государство принимается как бы за юридическое лицо, ограниченное или неограниченное,

но во всяком случае располагающее властью как таковой, властью в ее чистом виде, при замаскировке классового характера государства. У нас же компетенции государства перечисляются примерно так, что вы видите в этом государстве не юридическое только, но прежде всего общественное лицо, то есть видите то общество, которое совершенно сознательно выражает себя и свои цели через государственную власть.

Возьмите первые попавшиеся пункты. Государству подлежит внешняя торговля, но не просто, а на основе государственной монополии; организация обороны, но не объявление войны (выше, в пункте «б», — вопросы войны и мира). Установление народно-хозяйственных планов, единого бюджета, основных начал в области просвещения, здравоохранения, единой системы в области учета — это уже не функции власти, это функции общественного устройства. Поэтому и контроль, который в других государствах, например, в фашистской Германии, выражается во вмешательстве государственной власти в общественную жизнь, — по нашей Конституции означает вмешательство общественного сознания в государственную власть, а это очень глубокое и принципиальное различие.

Отчетливо выражен в нашей Конституции и другой важный момент социалистического государства: объем и границы его тоже понимаются общественно, а не только территориально. Союз наших республик держится связью общих производственных отношений. Любая страна, любой клочок в мире, провозгласившие у себя такие же производственные отношения, могут войти в наш Союз, сохраняя при этом полную свою свободу, но приобретая огромные преимущества количественного усиления своей мощи.

Статья 17, признающая за каждой союзной республикой право свободного выхода из СССР, вызвала очень много замечаний и поправок. Одни читатели требуют, чтобы этот выход совершался лишь с согласия двух третей населения, другие увеличивают две трети до трех четвертей, но все настаивают на необходимости добавления к статье: «при согласии на это большинства населения республики».

Много замечаний касается взаимоотношений между общесоюзным законом и законом союзной республики. В случае расхождения предлагают передать вопрос на рассмотрение Верховного совета (по проекту Конституции, в случае расхождения действует общесоюзный закон).

Одна гражданка, исходя из того, что Союз наш состоит из одиннадцати свободных республик, предлагает (по главе III) избирать не двух заместителей председателя Совета союза, а одиннадцать заместителей, по числу республик, так, чтобы председательствование на заседаниях могло поочередно переходить от одной республики к другой. Гражданин из автономной республики Чувашии, включенной в состав РСФСР, поднимает очень интересный вопрос о перспективах развития автономных республик в советские социалистические, то есть о выходе их из федерации при условии большого культурного и материального роста.

Во всех этих поправках налицо именно общественный подход к государственной власти. И как раз эти поправки дают возможность внимательно изучающему Конституцию лучше постичь и глубокий внутренний смысл второй главы, полное раскрытие и обнажение которого будет продолжаться перед нами еще годы и годы.

К тем же вопросам, хотя не к той же главе, относятся добавления читателей **о гимне**. Очень многие просят в главе XII, где указаны герб, флаг и столица, добавить еще одну статью:

«Народным гимном СССР является гимн трудящихся всего мира «Интернационал» (текст — аспиранта Института механизации сельского хозяйства т. Бурдина).

И наконец последняя, четвертая группа вопросов: о руководстве наукой и высшей школой.

До сих пор я почти не имела случая отмечать **неверные** читательские предложения не только потому, что их было мало, но и потому, что носили они не очень существенный характер. Но по вопросу о высшей школе придется остановиться и на неверных.

Посмотрим сперва, что по этому делу имеется в проекте Конституции.

Главы V и VI (об органах государственного управления Союза и союзных республик) составлены по части народного просвещения, на мой взгляд, не совсем ясно. Статья 77, перечисляя общесоюзные наркоматы, не упоминает о Наркомпросе. Статья 78, перечисляя союзно-республиканские наркоматы, **тоже** не упоминает о нем. Значит, он и не союзно-республиканский. Большая часть читателей высказывается по этому вопросу, как тов. Д. Кузнецов, заместитель директора Казахского государственного университета:

> Проект Конституции не предусматривает организации Наркомпроса СССР. Руководство средними и начальными школами будут осуществлять наркомпросы союзных республик. Между тем единственным источником пополнения вузов скоро станут исключительно средние школы. Если руководство средними школами передать нарком-

просам союзных республик, то не будет обеспечен одинаковый уровень подготовки учащихся. В то же время каждый окончивший среднюю школу должен иметь возможность поступить в любой вуз любой республики Советского союза.

Во избежание разнобоя в подготовке учащихся в средних школах нужно предусмотреть в Конституции организацию Народного комиссариата просвещения СССР.

Этот ответ, поддержанный большинством голосов, несомненно правилен. Не только потому, что, получив бо́льшую ответственность, Наркомпрос вынужден будет и гораздо лучше работать, а еще и потому, что в самой Конституции, поручающей во второй главе (пункт «с», статья 14) установление «основных начал в области просвещения и здравоохранения» Союзу советских социалистических республик, заложено требование сделать Наркомпрос всесоюзным. Иначе как же он будет вырабатывать основные начала для Союза? Ущемить интересы союзных республик, для которых дело культуры имеет огромнейшее значение, это, конечно, не должно, и в состав союзно-республиканских наркоматов необходимо входить местным комитетам по делам школы, комитетам по делам здравоохранения, сохраняющим объем и аппарат старых комиссариатов, но возглавляемым «уполномоченными общесоюзных наркоматов». Мне думается, если Народный комиссариат просвещения Армении, или Украины, или Белоруссии переменит название и станет называться уполномоченным общесоюзного Наркомпроса, сохранив при этом весь свой аппарат, ему от этого меньше чести не будет, а значения, как представителя дела общесоюзной важности, не убавится, а только прибавится, так же как и возможности непосредственных связей с центром. Такое положение поможет и общесоюзному Наркомпросу, переделанному из прежнего РСФСРовского, лучше

и конкретнее знать и проводить всю систему народного просвещения в Союзе.

У меня есть еще одно предложение, против которого, я знаю, посыплются протесты. Мне кажется, необходимую эпоху диференциации комиссариатских функций, когда высшая школа была выделена из Наркомпроса и роздана по соответствующим наркоматам, мы уже начинаем изживать. Сейчас у нас на очереди другая забота, — нам надо, наконец, сдвинуть ножницы между средней и высшей школой, прекратить такое положение вещей, когда у наших высших школ семь нянек, а дитя без глаза, и левая рука народного просвещения по средней и низшей школе не ведает, что делает правая рука по высшей школе. На мой взгляд, Наркомпрос общесоюзный должен объединить руководство всем народным образованием, как высшим, так средним и низшим, создав такую триединую структуру аппарата, при которой это триединое руководство было бы целиком обеспечено и повседневная связь между тремя отделами гарантирована. А наркоматы, до сих пор имевшие в своем ведении высшие школы и, надо сказать, не сумевшие оправдать этой меры, во всяком случае не сумевшие сделать для своих школ то, на что надеялись сами школы и учащиеся, — эти наркоматы должны бы оставить за собой роль только материальных и бюджетных шефов (помогайте!) и только первых потребителей кадров (давайте заявки на кадры и все замечания и запросы по поводу кадров!). Хуже во всяком случае от этого не будет, поскольку даже ГУУЗ Наркомтяжпрома не сумел взглянуть на постройку лучших наших институтов и на студенческие городки важнейших для себя в будущем кадров хотя бы с той серьезностью и вниманием, с каким Нар-

комтяжпром смотрит на самую свою завалящую фабрику.

Поэтому я решительно не согласна с проф. Плеснером, предлагающим создать отдельный комиссариат по высшей школе, а стою за расширение Наркомпроса в общесоюзный и общешкольный, с максимальным расширением его бюджетных средств и по линии государства, и по линии шефствующих наркоматов.

Не совсем ясен вопрос и с наукой. Ряд ученых, даже целые организации — Теплотехнический институт, группа астрономов и т. п. — требуют организации Комитета по делам наук при Совнаркоме. Огромное количество научно-исследовательских учреждений и лабораторий тоже нуждается в организационном центре. И если бы высшая школа была включена в структуру Наркомпроса, то Комитет по делам наук в Совнаркоме был бы абсолютно необходим и восполнил пробел. Это ведь и потому еще правильно, что высшая школа как-никак учебное предприятие, а исследовательский институт — ученое, и гораздо больше принципиальной связи между десятилеткой и вузом, нежели между вузом и ученым учреждением.

Вот те предварительные замечания и выводы, которые можно сделать за первые 25 дней обсуждения Конституции. Они неизбежно очень неполны и могут быть ошибочными. Но не ошибочна высокая оценка самого факта обсуждения Конституции. Страна показала себя выросшей и достойной своей Конституции.

Под конец два замечания. В проекте Конституции есть статья 71, где говорится, что на запрос депутата Верховного совета СССР правительство обязано дать ответ не позже чем в трехдневный срок (написано «не более чем в трехдневный срок»,

но лучше было бы тут сказать «не позже»). Дворник М. Тугов не согласен с этим:

> Я предлагаю развить статью 71 проекта новой Конституции. Наше правительство и все органы государственной власти сильны своей связью с избирателями, с народом.
>
> Нужно предоставить каждому избирателю делать запросы своим депутатам по отдельным вопросам наказа.
>
> М. Тугов, дворник.
>
> («Вечерняя Москва» 1 июля)

Когда-то Пруссия неимоверно кокетничала своим мельником, судившимся с прусским королем Фридрихом II и выигравшим у короля процесс на суде.

Мы своим дворником не кокетничаем, а просто думаем, что он прав, и расширить статью 71 необходимо.

И вот еще голос ленинградца, члена коллегии защитников М. Равича:

> Советская страна создала новое мощное орудие демократии — всенародное обсуждение законопроектов. Недавно всенародно обсуждался проект закона о запрещении абортов, сейчас обсуждается проект Конституции. Эта форма, немыслимая в буржуазных странах, должна быть зафиксирована в Конституции в статье 49-й, пункт «г», который нужно дополнить так: «а также передает на всенародное обсуждение, до утвержденья их Верховным советом, законопроекты, имеющие особое политическое и общественное значение».
>
> («Правда» 2 июля)

К этому голосу не присоединиться — нельзя.

Глава VII

ЗНАКОМСТВО С ИЗБИРАТЕЛЕМ

1

Не знаю, будут ли по новой Конституции выбирать депутатов «со стороны», без всякого их отношения к данной избирательной группе (учреждению или обществу).

Среди писателей несколько человек прошли в Моссовет именно так: Демьяна Бедного избрал трамвайный парк, Гладкова, если не ошибаюсь, МОГЭС, а меня — Московский центральный телеграф.

У такого избрания есть свои скверные и хорошие стороны, причем связь тех и других примерно, такая, как в пословице «не быть бы счастью, да несчастье помогло».

Именно потому, что избираемый захвачен большей частью врасплох и до конфуза ничего не знает о своих избирателях, именно потому, что его незнание так глубоко и явно, — он уже не смеет не постараться наверстать упущенное, и в новом знакомстве для него окажется гораздо больше свежести и интереса, а для его избирателя гораздо

больше пользы, чем если бы они уже знали друг друга десяток лет.

У английской писательницы Джордж Эллиот есть роман «Феликс Гольт, радикал». В этом романе дается прекрасное описание избирательной кампании в Англии. Вспоминая через дымок десятилетий, видишь, словно камушки сквозь прозрачную воду, каждую черту избирательного быта «доброй старой Англии», классической страны парламентаризма. Там главный и заключительный момент — сами выборы, как будто все дело только в том, чтоб сделать вас депутатом, дать вам звание депутата, а дальше — это уже ваше дело, это естественный придаток к главному, то есть к факту вашего избрания.

Есть еще один роман, американский — «Питер Стерлинг» Форда. У нас, кстати сказать, непростительно забывают хорошие книги, и хотя бы во дни новой Конституции эти два романа, дающие ясное представление о двух крупнейших выборных системах буржуазии, не мешало бы издать для советского читателя.

Так вот, в «Питере Стерлинге», при некоторой разнице выборных систем, та же картина. Рассказывается о молодом безработном адвокате, как он пробил себе дорогу: не погнушался бедняком-клиентом, рабочим, у которого ребенок отравился недоброкачественным молоком, повел его дело, стал доискиваться причин недоброкачественности молока, уперся в пивоваренный завод, продававший свои отбросы молочному тресту, поднял борьбу против двух могучих противников, устоял от подкупов и завоевал себе доброе имя среди рабочих Нью-Иорка. Уже после этого, заключительным апофеозом, дается избрание Питера Стерлинга в президенты,

причем это избрание, по доброй старой традиции романа, и венчает всю книгу, как и счастливая свадьба. Но что же дальше? Как будет действовать Питер Стерлинг уже избранный? Для нас это самое интересное, но именно это и остается за пределами книги. Для американцев главное — выборы; венец жизни, цель политической борьбы, общественная биография — в самом факте избрания.

Теперь представим себе советского писателя, пишущего роман о депутате Моссовета. Может ли он закончить роман фактом его избрания? Нет, нельзя это даже себе представить, как нельзя представить окончанье обеда тем, что налил себе в тарелку горячего супу. Нашего романиста заинтересует во всей ее новизне и неизведанности сама советская депутатская работа. Он наверняка захочет начать свою книгу с избрания, как шахматист начинает игру с выдвиженья фигуры. У этой фигуры есть своя «номинальная ценность», но какова эта ценность реально — на практике вскроется не первым ее выдвиженьем, а всем шахматным полем и всем кругом ее ходов в игре. Совершенно так же качественная апробация нашего депутата, какую бы номинальную ценность он ни имел при избрании, должна закончиться не фактом выбора, а длительным фактом всей его последующей работы. И происходит это потому, что буржуазный парламентаризм уже только формален, почти ничего не в силах дать населению, и население почти ничего не ждет от него, кроме «представительства». Советская же система — реальна, каждый депутат может создавать и творить, каждый избиратель может требовать от него настоящего дела, а не только почетного представительства. И «номинальная ценность» теряет иногда свое значенье в нашей депутатской практике, так

же как запертая тура бесценнее, нежели проходная пешка.

Таковы уже сложившиеся за неполных двадцать лет черты нашей советской демократии, и народы Союза настолько хорошо сознают их, что при обсуждении проекта Конституции настаивают на их зафиксировании и упрочнении, требуют специальных пунктов об отчетности депутата, права его отзыва в любую минуту, права запроса у него по любому поводу и права его запроса у правительственных органов, требуют уточненья и определенья сроков периодической отчитки депутата.

И никакая торжественность выборов не заставит наших избирателей забыть, что это лишь начало биографии их депутата, а не ее конец. Да и сам депутат вместо торжественного ощущенья «наконец-то! кончено! избран!», пронизывающего буржуазных парламентариев, невольно испытывает тот тревожный холодок в позвоночнике, который сочетается совсем с другим словом: «началось!»

Вас избрали — началось, а вовсе не кончено, началось, а что началось, это вы еще и сами как следует не знаете, как никогда не знаете и меры своих сил в стране, беспрерывно помножающей эти силы на икс своего собственного творчества. Острое чувство ответственности, желанье не осрамиться, дать работу, дать качество, чувство новой связи с незнакомыми до этого людьми, вот что укладывается депутатом в коротенькое словечко «началось».

2

До своего избрания в Моссовет я о телеграфе и телеграфистах знала не больше, чем Митрофан

о географии. Телеграф это окошко, куда сдают телеграммы, телеграфист — это в кого нельзя влюбиться, чеховский лишний человек, а вообще «почта» — гоголевский почтмейстер Шпекин, место действия сплошных газетных анекдотов.

Вместе с миллионами других москвичей я хохотала над веселой пищей для фельетонистов, незлобиво, не в пример всем другим неполадкам, кусающих ошибки телеграфа чуть ли не каждый день в газете.

И вдруг это самое учрежденье, такое осмеянное и несерьезное, такое незнакомое, хоть и рукой подать, — живу через улицу, — это учрежденье выбрало меня в Моссовет.

Английский сквайр какой-нибудь, выбранный в парламент после долгого заигрыванья с избирателями и угощенья их элем, на другой день после избранья, проснувшись в постели, должно быть, в доску забывает о них и не адресует им ни единой мысли, — умственное его око устремляется вперед, на скамью в палате, на соседа в палате, на спикера в палате. Но, проснувшись на следующий день после избранья, советский депутат невольно первую свою мысль отдает тем, кто сейчас и сам на него смотрит. Надев на нос очки и уткнувшись в «Известия», я вдруг подскочила от прилива самого неожиданного негодованья. Там опять стояла, — horribile dictu, как выражаются древние латиняне, — статья о Московском телеграфе братьев Тур.

Братья Тур именовали телеграф стойкой старухой!

В другое время я хохотала бы над фельетоном, но сейчас было не до хохоту. У меня за телеграф горело лицо, я приняла стойкую старуху прямехонько на свой счет. Я смертельно возненавидела

братьев Тур. Ну, подожди ж ты, думала я, натягивая чулки, а вот мы покажем, какая мы стойкая старуха! Ты сперва разбери, проанализируй, почему телеграф отстает, ты помоги, если ты большевик-журналист!

Суть этих размышлений не в том, конечно, что мне захотелось «скидки для своих», а в том, что вы совершенно чужое и незнакомое вам учрежденье внезапно ощутили своим. Такова была первая простая человеческая реакция, во всей ее неразборчивости и слабости. Вторая, более высокая реакция пришла позже. Узнать избирателя, узнать настолько глубоко, чтоб всерьез проанализировать причины его плохой работы, а узнав причины, помочь ему в борьбе за хорошую работу; помочь хотя бы тем, чтоб написать о нем, как у нас еще не писали о телеграфе, с добротой и вниманьем,— вот оно, ближнее депутатское дело. И первый свой визит я отдала Владимиру Ильичу, подкрепив себя против братьев Тур очень солидной помощью.

Ильич никогда не смеялся над телеграфом, он придавал ему огромное значение. Ильич не смеялся и над почтовыми чиновниками.

В «Государстве и революции» есть такое место:

«Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал почту (разрядка, как и везде, Ленина) образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-капиталистической монополии. Но механизм общественного хозяйничанья уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от

«паразита» высоко-технически оборудованный механизм...» И дальше: «Все народное хозяйство, организованное, как почта...» (Ленин, изд. 3-е, т. XXI, стр. 403—404).

Что привлекает Ильича в почте?

Какие черты этого «высоко-технически оборудованного механизма» он считает присущими общественному социалистическому хозяйничанью?

Ильич их несколько раз называет в статье «Удержат ли большевики государственную власть». Эти черты — работа «учетно-регистрационная», работа «счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета», «общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов», «нечто вроде скелета социалистического общества». Эти знаменитые Ильичевы определенья, сказанные о банке, относятся не только к нему, но и к почте. «Капитализм создал аппараты учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих» (Ленин, изд. 3-е, т. XXI, стр. 260). И дальше: «этот аппарат, который «нельзя и не надо разбивать», — мы можем «взять» и «привести в движенье» одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь служащие, большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении».

Здесь Ильич от аппарата уже переходит к его двигательному нерву, к служащим.

И оказывается, что Ильич еще за пятнадцать лет до Октябрьской революции думал о них, понял их, и в то время как художественная литература создавала из них образ «лишнего человека», выключенного человека, тоскующего меланхолика, мимо которого бежит по проводу недоступная прекрасная

чужая жизнь,— Ленин несколькими потрясающими строками набросал совсем другой портрет: «... Нельзя обойти молчанием и того, что казна все сильнее эксплуатирует труд почтово-телеграфных чиновников: прежде они ведали только почту, потом прибавили телеграф, теперь взвалили на них же и операции по приему и выдаче сбережений (вспомним, что из 4 781 кассы — 3 718 почтово-телеграфных). Страшное усиление напряженности работы; удлинение рабочего дня, — вот что означает это для массы мелких почтово-телеграфных служащих. А насчет платы им казна скаредничает, как самый прижимистый кулак: самым низшим начинающим служащим платятся буквально голодные платы, и затем установлена бесконечная градация степеней с надбавкой по четвертачку или полтинничку, причем перспектива грошевой пенсии после сорока-пятидесяти лет лямки должна еще покрепче закабалить этот настоящий «чиновнический пролетариат» (Ленин, изд. 3-е, т. V, стр. 62—63). Тут «не до жиру» отвлеченных мечтаний, «не до жиру» интереса к чужим письмам и чувствам, тут попросту «быть бы живу». Замученный, полуголодный почтовый пролетариат царского времени глубоко равнодушен к той самой «прекрасной чужой жизни», которая выстукивается у него под пальцами. Он ведет счет стуку или букве, минуя их смысл и связь, он не помнит и не вникает,— слишком это дорогой перерасход и без того истощенной нервной энергии.

Недавно, на обсуждении проекта Конституции, вставали и вспоминали свое прошлое наши сегодняшние знатные люди, старики-телеграфисты. Они вспоминали время, когда десятилетиями не имели ни одного дня отпуска, а в воскресенье работали до полудня. Съездить похоронить на три

дня отца или мать было целым событием, странной непривычкой проснуться без необходимости итти на службу, словно чужую шинель надел. Учиться, узнавать больше, чем ты знаешь, было так же немыслимо, как волне вырваться из прибоя и побежать одиночкой на сушу. Море темноты и бесправия крепко держало низшего служащего крестьянского или рабочего происхождения; он поступал по так называемому «вольному найму», без права получения «классного чина», в то время как недоучка-дворянчик обретал при поступлении на службу тотчас же чиновничью физиономию, ставил ногу на первую ступеньку того «эскалатора», который медленно, но верно выводил его хоть и в маленькие, но все же «чины». У каждого из мелких почтовиков и телеграфистов имелся послужной список (так называемый формуляр), и вы, читая этот объемистый том, узнаете иногда замечательные вещи. Вот образец стандартной, сохранившейся чуть ли не с петровских времен, присяги:

КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим богом, пред святым его евангелием, в том, что хощу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему великому государю императору Николаю Александровичу самодержцу всероссийскому... верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому его императорскаго величества самодержавству, силе и власти принадлежащия права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере старатися споспешествовать все, что к его императорскаго величества верной службе и пользе государ-

ственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благонамеренно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной), так и по особливой, и от времени до времени его императорскаго величества именем от предуставленных надо мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя весть и поступать, как верному его императорскаго величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне господь бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест спасителя моего. Аминь.

По сему присягу принимал почтово-телеграфный чиновник V разряда (подпись).

К присяге приводил священник (подпись).

Депутатом от ведомства находился Поч. Чин. Козьмин.

Я привожу ее почти целиком в ее громоздкости не только для того, чтоб дать читателю понятие о стиле, имевшем спокойное хождение в России до семнадцатого года двадцатого столетия, а и для того, чтоб молодежь наша, не знающая или смутно себе представляющая роль нынешнего смиренника, прошмыгивающего по улице бочком и сторонкой, духовного батюшки, такого безобидного на вид,— чтоб молодежь поняла, какою могучей печатью царского строя, штемпелем, своего рода «хранителем» и «завершителем» каждой присяги был этот священнослужитель, без которого не обходилась ни одна форма рабского послушания самодержавию.

Но кроме этой общей присяги, давались еще самые разнообразные обязательства. Телеграфистки давали обязательства не выходить замуж иначе как

за сослуживца (надо при этом помнить, что женщины принимались на телеграф обязательно с законченным средним образованием, а мужчины с четырехклассным, и телеграфистка была культурно выше своего коллеги). Давались подписки и такого рода:

ПОДПИСКА

1914 года августа 5 дня, я, нижеподписавшаяся, дала сию подписку в том, что ни к каким масонским ложам и тайным обществам, думам, управам, союзам и прочим, под каким бы оне названием ни существовали, я не принадлежала и впредь принадлежать не буду и что ни только членом оных обществ по обязательству через клятву, или честное слово не была да и не посещала и даже не знала об них и через подговоры вне лож, дум, управ, как об обществах, так и членах тоже ничего не знала и обязательств без форм и клятв никаких не давала.

(Подпись)

Опутанный присягами и подписками, полуголодный, не могший завести семью, одурелый от непрерывной служебной лямки, мелкий почтово-телеграфный служащий причислен Лениным не к классу чиновников, а к «чиновничьему пролетариату». Это не было у Ленина ни случайным словом, ни простой метафорой. Ленин сокрушающе обрушился на тех, кто перед октябрьским выступлением ссылался на отсутствие связей с почтовыми служащими: «Дело вовсе не в том, чтобы обязательно запастись заранее «связями» с тем и другим союзом, дело в том, что только победа пролетарского и крестьянского восстания *может* удовлетворить *массы* в армиях железнодорожников и почтово-телеграфных служащих».

«Как раз *выделением* пролетарских элементов

массы от мелкобуржуазных и буржуазных верхов характеризуется политическая и экономическая жизнь союзов почтово-телеграфного и железнодорожного» (Ленин, изд. 3-е, т. XXI, стр. 342—343).

Ленин, посвятивший самую раннюю свою работу, реферат на книгу Постникова, разбору расслоения (диференциации) в среде крестьянства[1], увидел и тут вместо сплошного «служилого чиновничества» разные слои, верхушечный и низший. Он знал, что первый будет сопротивляться и его надо сломить, но безошибочно знал также, что на второй революция может опереться.

3

Посмотрим теперь, какова была та самая «прекрасная чужая жизнь», предмет мечтаний мнимого литературного телеграфиста, что пролетала над его головой в проводах и скользила у него между пальцами.

Прежде всего, эта распрекрасная жизнь, как самый обыкновенный трамвай, могла ходить только там, где были проложены для нее рельсы, иначе сказать, она имела строгое, созданное российской государственностью направление, или, еще точнее, маршрут. Для телеграфа, охватывающего системой связи все углы страны, маршрут означает не что иное как построение телеграфной сети.

Если б я могла нарисовать перед читателем дореволюционное построение телеграфной сети, он уви-

---

[1] «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», писано в 1893 году, впервые напечатано в 1923 году. I т. 3-го издания сочинений Ленина.

дел бы такую картину: прямыми проводами (то есть непосредственной связью пункта с центром, без промежуточных станций) были связаны, во-первых, крупные губернские города, причем далеко не между всеми ими был прямой провод. А от городов прямые провода шли непосредственно к крупным помещичьим усадьбам. Вот на карте кружочек: Пенза, губернский город. В нем сидел губернатор. Вокруг Пензы было очень много крупных помещичьих усадеб. И прямой провод связывал губернатора с его зубрами, матерыми пензенскими помещиками.

Но и такая телеграфная сеть, недостаточная даже для дореволюционной России, начавшей свое капиталистическое развитие,—сеть, говорившая о патриархально-феодальном укладе страны, была вдобавок очень бедна.

И по бедному маршруту от царя до губернатора, от губернатора до помещика, по трамвайному кольцу Ц, Г, П тек нищенски-бессодержательный поток разговоров, которыми до революции обменивалась страна. Если взять большое лукошко, на языке учета именуемое статистикой больших чисел, и хорошенько потрясти его, чтоб вытряхнуть все исключения, частные случаи, нехарактерное и необычноэ, то на дне останутся крупные стандарты: правительственные распоряжения, пачками изготовлявшиеся канцеляриями министров, безмятежно не ведавших о том, что делается в соседнем министерстве; поток биржевых цифр; «Маня поздравляю тебя драгоценным днем твоего Ангела целую ручки ножки безумно люблю Жоржик»; обязательные поздравления по начальству, от действительных до тайных советников, с их чином-званием, просто превосходительством, высокопревосходительством, светлостью, преосвященством и т. д.; поздравления

со днем рождества Христова, праздником светлой пасхи, святою троицей, с широкой масленицей, с Новым годом, «новым счастьем, новым здоровьем» и тому подобное.

Читатель в праве спросить,— да неужели вся жизнь исчерпывалась этим? Нет, не вся жизнь. Но я опять напомню читателю о статистике больших чисел. Жизнь не исчерпывалась, но телеграф засорялся этой бытовой и правительственной макулатурой, потому что в процентном отношении именно она представляла собою подавляющее количество пересылаемых депеш. Эта макулатура засоряла телеграф неизбежно, потому что она была выраженьем неотъемлемых черт старого российского строя, без которых жизнь большинства русских подданных не могла формально течь.

А если мы теперь, имея в уравнении две определенных величины, захотим определить и последний икс, то есть какие именно группы населения разговаривали по телеграфу в стране, то уж одно бытовое оформленье этих групп поможет нам без труда их узнать. Разговаривали имущие классы. Разговаривали купцы, чиновники, помещики, правительство. Рабочие и крестьяне, солдаты, «кухаркины дети» по телеграфам не беседовали, разве что раз в годы. Огромный трудящийся массив страны с полуторастамиллионным населением — по телеграфу молчал.

Для сравнения взглянем теперь на нашу телеграфную сеть. Москва связана прямою связью со всеми краевыми республиками и областными центрами; но кроме них она связана прямою связью и с центрами новостроек, с крупнейшими промышленными предприятиями. Областные, краевые и республиканские центры связаны прямою связью с районами. Возьмите Московскую область,— в ней пря-

мой связью связаны не только все районные центры, но и почти все совхозы и колхозы.

Первая пятилетка резко рванула вперед все цифры по телеграфу, но даже если мы будем сравнивать 1913 год не с послепятилетними, а с более ранними годами, например с 1932 годом, то и тогда разница получится внушительная:

1913	1932
Один телеграф—на 23 457 человек населения	Один телеграф на 10 000 человек населения
Всех проводов 569 245 км	Всех проводов 1 400 000 км
Обменено 224 000 000 телеграмм	Обменено 433 000 000 телеграмм

(Данные взяты из книги Новожилова «Основы эксплоатации телеграфа»).

Уже само построение связи и рост обмена показывают, что такое советская власть. Заговорила вся страна. О чем? 90% телеграмм государственные и общественные и только 10% личные. Вместо сделок и поздравлений во все концы передаются сводки с хозяйственных фронтов, информации о жизни колхозов и совхозов, директивы правительства, новости мира, события всесоюзной жизни, героические поступки советских людей, информации для сотен тысяч газет. Наш телеграф насыщен голосом и разговором страны, приведенной в движение и творчески заработавшей.

Но захлопнем окошко в сегодняшний день, открытое нами для сравнения с прошлым. Поток света, пролившийся к нам, поток шума, ворвавшийся к нам, музыка Морзе, Бодо, Шорина, Тремля, сквозь которую жужжит, как улей, разбуженная страна, пусть на минуту оборвется, и в наступившей тишине и темноте дадим зазвучать хихиканью братьев Тур.

В самом деле, — откуда «стойкая старуха»? Почему телеграф работает плохо? Как можно рабо-

тать плохо в наркомате, ведающем «образцом социалистического хозяйствованья», по слову Ильича?

4

Бухгалтерия, наука во всех отношениях великая, имеет один простой технический прием, которым хорошо пользоваться при каждом историческом анализе. Она перегибает бумагу на две половины по вертикали и пишет сверху над одной колонкой актив, а сверху над другой колонкой пассив. Возьмем и мы лист бумаги, согнем его пополам и напишем слева: За какое качество считал Ленин телеграф (почту) образцом социалистического хозяйствованья. И напишем справа: Какое именно качество истребляло руководство Наркомпочтеля на телеграфе (почте), начиная с 1925 года.

И тогда, по мере заполнения колонок, увидим любопытнейшую вещь. Ленин считал почту образцом социалистического хозяйствования, потому что она создала «аппарат учета», который наладил ясную и четкую работу «контроля, учета, счета, регистрации». Именно потому, что на почте можно учиться, как контролировать, как учитывать, и иметь под рукой, благодаря регистрации, любую точную цифру; именно потому, что контроль этот не случаен, а заложен в самой системе аппарата, — и мог назвать Ленин почту наряду с банком «высоко-технически оборудованным механизмом».

Казалось бы, руководство почтой и телеграфом, выписав себе на память эти золотые ленинские слова, с самого начала должно было стремиться укреплять и отстаивать именно эти качества, то есть

не просто бороться за ускорение прохожденья писем и депеш, за повышенье темпа, за возможность справиться с бесконечно растущим потоком почтовой и телеграфной корреспонденции, а бороться в рамках строгого соблюдения именно этого учета, чтоб не утратить социалистического характера своего аппарата, не перестать быть почтой и телеграфом. Именно в этом, то есть в необходимости укладывать развитие и расширение связи в ее строгую контрольно-учетную форму, и заключалась, во-первых, основная задача Наркомпочтеля и, во-вторых, основная трудность этой задачи. Я все время употребляю старый термин «Наркомпочтель» потому, что говорю сейчас о прошлом времени.

Избрало ли старое руководство этот единственно правильный путь?

В истории советского хозяйства есть один замечательный урок: всякий раз, как мы пытались в прошлом обойти встречную трудность, забежав через нее вперед (на языке политики это зовется левацким заскоком), мы напутывали для себя огромную гору гораздо больших трудностей в будущем. Любой конкретный случай из этой области поучителен почти для каждого наркомата, потому что у каждого непременно имеется на совести что-нибудь в этом роде.

Техника развития телефонной связи (шаг вперед!) была скоропалительно переведена на язык теории «об отмирании телеграфа». Развивается симпатичный, удобный, быстрый, легкий телефон, раз-два — и говорят Москва — Чикаго, Москва — Пекин, а не то что Москва — Пенза или Москва — Тверь; разве это не огромный плюс перед тяжелым, громоздким старым телеграфом, шагающим по земле своими столбами-сапожищами да таскающим за собой шлейф дорогих проводов на фарфоровых пуго-

вицах; и еще он чуть ли не портится каждые два часа, и еще следи за любителями поживиться им где-нибудь на трясине или в лесах, да еще жди, пока он там стучит себе в усы, а сонный телеграфист смекает его бурчанье, и возись с доставкой, с проверкой, с путаницей, с опозданьем! Не проще ли заменить телеграф телефоном? Теория о том, что телефон должен окончательно вытеснить у нас телеграф, была с командных вышек Наркомпочтеля «спущена в массы» в 1925 году, на радость вредителям. На практике она довела до того, что были перерезаны магистральные провода, распущены за ненадобностью кадры честных беспартийных специалистов, разогнаны пролетарские низовые массы, стали тормозить, а кое-где и прямо запрещать (например, на свердловском телеграфе) подготовку новых рабочих кадров для телеграфа, и длилось это не день, не два, а годы.

Между тем телеграфная связь имеет ту особенность, что оставляет вещный след передаваемого слова, она его фиксирует в аппарате, и всегда можно проверить и проконтролировать передачу. А телефонная связь в современном ее техническом виде — это именно, согласно пословице: «слово не воробей, вылетит, не поймаешь»,— совершенно лишенная всякой фиксации, а потому и недоступная ни учету, ни контролю, ни проверке передача. Такое практическое несовершенство, вносимое в деловую жизнь нашего хозяйства, когда строишь передачу декретов, распоряжений, цифр, информаций по совершенно безответственному телефону, где вас могут обмануть, где вы даже установить не можете, кто с вами говорил, и где недослышка ведет к путанице, которую никак, ни по какой «копии» потом не проверишь; и удобное оружие, какое дает такая

замена телеграфа телефоном просто хулиганам, особенно на селе, в глухих углах Союза,— порождаются прежде всего от удара по контролю и учету, то есть от уничтоженья тех основных качеств, которые и делали почту и телеграф социалистическим по типу аппаратом.

Можно ли не представить себе с полной ясностью, что последствием этого удара явилось ущемление материального хозяйства телеграфной связи (провода); ущемленье людского хозяйства телеграфной связи (кадры); и, наконец, замедление подготовки новых рабочих кадров?

Наш молодой телеграфист еще не шибко грамотен, но бить его непрестанно за то, что он не Афина-Паллада, за то, что он не выскочил из головы отца готовым и в полном техническом вооружении — вряд ли это правильно и полезно.

5

Виргилием моим в пяти кругах кружевной стеклянной коробки, какую построил для телеграфа на бывшей Тверской улице архитектор Ф. Рерберг, был спокойный человек с тихим и медленным голосом, старший инспектор по качеству на телеграфе, а в прошлом и телеграфист, и прокурор, Илья Дмитриевич Глухов, носящий на тужурке пятиугольный значок (старший состав служащих).

Каждая группа носит свой значок, и фигурный, и по количеству повторенья тех же фигур в пределах одной категории, например, полукруг — низший состав, круг — средний состав, а несколько кругов — бригадир или начальник того же среднего состава служащих.

Эта мелкая на первый взгляд деталь имеет большое значение. Она вас сразу вводит в систему,— очень упорядоченное и четкое построение телеграфной «иерархии» не столько по чину-званию, сколько по распорядку работы и ответственности. Вступая на телеграф, вы тотчас же забываете старое представление о чиновнике и конторе. Перед вами настоящий, но как бы военизированный завод. Телеграфист — военизированный рабочий у станка. Дело связи — сложная, кропотливая производственная операция, в которой принимают участие все элементы заводской промышленности: электроэнергия, рубильник, измерительный прибор, станки, конвейер. Как на любой фабрике, тут есть и своя «сырьевая», и своя «упаковочная». Как на любой фабрике, тут и бригадиры, и дежурные помощники директора, и механики, и стахановцы... Тут бросается вам навстречу своя, несмолкаемая, жужжащая, характерная музыка приведенных в движение главных работающих механизмов. И человек за этим механизмом — особенный человек. Когда-нибудь литература отдаст должное телеграфисту, как она уже это сделала для инженера.

Представим себе страну в виде оркестровой раковины. На каждом пюпитре лежит своя партитура, и взмах руки дирижера тотчас отдается в мускульном нерве каждого музыканта. Но дирижер в обычном оркестре слышит своих музыкантов, но музыканты в обычном оркестре видят своего дирижера, потому что расстояние от них до него, по древнейшей измерительной мере,— на локоть. А если сидят музыканты на одной шестой части мира и число их около двухсот миллионов, и надо, чтоб каждая партитура влилась в общую симфонию во-время, чтоб гармония не разрывалась, никто не делал зву-

ковых клякс, не отставал, не пропадал, не выскакивал, и надо, чтоб все мелодии и звуки доходили до уха дирижера во-время и безошибочно, то как быть с таким оркестром? Тогда десятки тысяч километров и миллионы музыкантов пронизываются электрической нитью связи. Тогда вступают в силу и телеграф, и телефон, и радио, пожирая пространства, приближая людей, помогая видеть и слышать на расстоянии. Но если до революции связь еще могла походить на нестройные звуки настраиваемых в оркестре инструментов, врывающихся в эфир «кто в лес, кто по дрова», то наша социалистическая связь в стране, где решает план, должна быть предельно слитной и точной, как симфония № 1 в музыке построения социализма.

Именно это обнажение роли и сущности связи меняет в нашем представленьи не только облик телеграфа из «конторы» в «завод», но и облик телеграфиста из неромантического в прошлом, мелкого чиновника — в советского героя романа: артиста, музыканта, творца, мужественного и сдержанного человека.

Телеграфирование — искусство, так же требовательное к человеческим органам чувств, как и всякое другое искусство. Первое качество, необходимое для телеграфиста, — это прирожденное чувство ритма. Без чувства ритма телеграфирование человеку недоступно. Второе качество — слух. Нужны идеальный слух, точность, ритмическое чутье, быстрое схватывание, слуховая память и огромное самообладание. Среди телеграфистов попадаются настоящие таланты, люди большого дара, убедительного для соседей, например, стахановка тов. Рогалева, поставившая рекорд выработки на Бодо (1 734 слова в час).

И наконец в наших условиях, условиях постоянного фронта — борьбы нового мира против всех остатков и корешков старого — телеграфист на своем посту это воин; и телеграф, так же как и радио, это земной капитанский мостик над воздухом и эфиром, который, как капитану корабль, нельзя покидать до последнего мига. Радист Кренкель — вот образ нашего героя связи.

Я все время говорю о «телеграфисте», хотя надо бы говорить о «телеграфистке», потому что большой завод, телеграф, на 80% заполнен женщиной.

На Московском центральном телеграфе одновременно в одну смену работает 2 000 человек. Преобладанье женщины чувствуется уже с первого «круга» — первого этажа, больше всего знакомого москвичу, — тех самых окошечек, где принимают телеграммы. Этот отдел называется кассой. Здесь, в кассу, подвозят сырье, и кассир, принимая телеграмму, «правит» ее, — верно ли указан пункт на телеграфе, нет ли ругани в тексте, чего-либо недопустимого. Снабженная порядковым номером (например, № 7204, где 72 — порядковый, а 04 — номер окошка принимающей кассирши) телеграмма, вписанная в ведомость, получившая последнее «напутствие», указание на час, — бежит к пневматической почте. Несколько телеграмм, свернутых в трубку, всовываются в патроны, а этими патронами «выстреливает» дуло трубы наверх, на центральную сортировку.

Производственная часть телеграфа — сортировка, городская аппаратная и международная аппаратная расположены на третьем и четвертом этажах. Между ними вклинилось на втором этаже все управление наркомата. Это ведет к большим техническим неудобствам, например, к удлинению всех операций прохождения телеграммы туда и обратно, и отчасти вы-

зывает и усложнение механизации передвижения, которое вас прямо поражает на телеграфе: тут и пневматика (снизу вверх), и конвейер, и грейфер. Такое вклинивание «конторы» в производство, разделяющее этажи, часто видишь у нас на старых фабриках, и невольно думается: неужели нельзя было построить телеграф более рационально?

В аппаратной встречает вас вторая особенность Московского телеграфа: если много разных видов механизации, то прямо чудовищно много разных видов аппаратов в работе! Тут от старика Морзе, печатающего точку и черточку, вы можете пройти по рядам как бы живой иллюстрации к «истории развития телеграфного станка»:

Клопфер — тот же Морзе, но слуховой, где телеграфист ловит тайну тире и точки и расшифровывает ее прямо на слух.

Бодо — с пишущей клавиатурой, как на машинке; дает и получает телеграмму уже буквами, отпечатывающими содержание телеграммы прямо на ленте.

Симменс — тоже буквопечатающий.

Юз — более быстрый, чем Бодо, но менее мощный.

Уипстон — прокалывающий ленту точками (автоматическая дуплексная передача).

Крид — по тому же принципу, но уже усовершенствованный, сам себя автоматически тут же и расшифровывающий.

И наконец наши собственные советские аппараты Тремль и Шорин, имеющие мужественную историю своего изобретения и его терний, вытесняющие сейчас Бодо и победно завоевывающие аппаратную.

Каждая из этих систем требует своей долгой тренировки. Есть опытные бодисты, есть юзисты, есть патриотки Клопфера, есть молоденькие «тремли-

сточки» и «шоринисточки», как ласково говорит тов. Глухов, проходя мимо двух стахановок, четко и грациозно работающих пальцами с красным мельканьем пятнышек лака на ногтях,— и переход от одного аппарата к другому требует почти новой школы и новой практики.

Необходимость такой разношерстности, конечно, временная, пока нужно дорожить тем, что имеешь, считаться с разными условиями в нашем Союзе, где не всюду, например, есть электричество, а только Морзе да Уипстон работают без мотора, и в этом причина долгой живучести у нас старого Морзе. Но все же линию направления на стандартизацию или хотя бы на минимальное количество типов аппарата телеграфу следует взять уже и теперь.

И еще одна «неувязка» встречает вас в хозяйстве телеграфа — неравномерность его нагрузки. Так называемый пик нагрузки (высшая точка наибольшей работы) приходится на часы от 4 до 10 вечера. А ночью — от 2 до 12 утра — на телеграфе почти полное затишье, аппаратура стоит вхолостую. Нерациональность этого скачка бросается в глаза. Почему, при трехсменности работы, не использовать эту пустую ночь для разгрузки чудовищно напряженного дня? Какая огромная выгода времени, сил, какое условие для сниженья брака! Но все попытки наркомата сделать это, ввести ночную подачу телеграмм—уперлись в полное равнодушие других наркоматов и учреждений, от которых зависит разгрузка дня. На заседанья, назначавшиеся Наркоматом связи совместно с другими учреждениями, эти последние посылали или курьеров или никого не посылали. Между тем правильной раскладкой дел между днем и ночью, переносом части телеграмм на отправку ночью и распоряженьем курьеру или сторожу (в лю-

бом учрежденьи имеющемуся на ночном дежурстве!) принимать телеграммы — могла бы быть оказана огромная помощь телеграфу в его борьбе с браком.

Но все это еще придет в будущем, и те, кто сейчас в спине почесывают, неминуемо втянутся в процесс рационализации.

Три главных обстоятельства:

1) Плохое распределение этажей.

2) Пестрота аппаратов.

3) Неравномерность загрузки,

с прибавлением к ним еще

4) недостаточной подготовленности кадров, вытекшей из упомянутых выше грехов руководства в прошлом,— и составляют, на наш взгляд, основные «статические» причины плохой работы телеграфа.

Мне остается сейчас спуститься с четвертого этажа, где мы беседуем с Америкой, где автоматические часы-штемпель сами штемпелюют на ленту поминутную перемену времени, где кружок телеграфисток изучает несколько иностранных языков, — вниз, в глубину подвального помещенья, «экспедицию», откуда рассыльные нашего района, тоже по преимуществу женщины, пачками разносят по адресу телеграммы.

В экспедиции своя забавная «неувязка». Многие молоденькие экспедиторши с т е с н я ю т с я на улице своих почтовых сумок. Они их прячут, а телеграммы разносят в обычных дамских сумочках, что создает опасность утери телеграмм. Этот «конфуз своей профессии» юмористически пытается выветрить из молодых голов заведующая экспедицией; и мне самой захотелось напроситься — походить три дня по Москве с сумкой экспедиторши для «пропаганды». Надо сказать, что это занятие у нас тоже имеет своих

стахановцев и очень хороший заработок. Быстрая и точная экспедиторша может заработать до четырех сот в месяц.

6

В очень трудные дни, выпавшие мне на долю в начале 1936 года, я как-то, проходя мимо телеграфа, увидела большие портреты моих избирателей, ленты, плакаты.

Газету нашего наркомата «Социалистическая связь», а также и собственную газетку телеграфа «За большевистскую связь» я, конечно, никогда читать не переставала и знала, что на телеграфе идет крепкое наступление. Но первую победу его, за собственными делами, как-то упустила. И, помню, известие о ней, сквозь всю личную тяжесть, охватило меня почти как своя семейная радость: телеграф победил, выполнил план! В ночь этой первой победы, рассказывали мне потом, люди на телеграфе обнимались, как настоящие бойцы после сраженья.

Чтоб укрепить это настроенье и начать кампанию за прочное улучшение работы, Связьтехиздат выпустил маленькую книжку В. Зверева «В борьбе за стахановский телеграф». В ней просто и непритязательно перечислены усилия отдельных стахановцев и этапы «вытягиванья» телеграфа. И тут, как почти всюду в нашем хозяйстве, победа пришла снизу, из м а с с ы, причем зачинщиками ее были молодые кадровики, послеоктябрьские работники. Ясно, что сверху, от руководства, должна была подготовить победу ставка именно на этого нового, молодого кадровика, ставка на его технический рост, воспитанье и обученье, расход на его общественное обслуживанье, отдых и культурные нужды.

Но это — общие черты любого стахановского движенья на любом предприятии. Между тем телеграф имеет свои особенности, и притом настолько характерные, что их следовало бы изучить и узнать руководителям нашего хозяйства.

Первая особенность: на телеграфе очень интересно выявились свойства отдельных аппаратов. Стахановцы — это люди, нажимающие на пределы машины и сдвигающие эти пределы. Поэтому именно стахановцы, больше чем любой инженер-консультант, могут заставить в полный голос разговориться машину и показать ее потенциальные достоинства.

У нас первой стахановкой была шоринистка Шура Корнеева, за нею целый ряд блестящих шоринисток во главе с Эллой Периной. Оказалось, что именно на советском аппарате Шорина легче всего было начать перевыполнение нормы. Вместо положенных 1100 слов в час, он стал давать 1400, 1537, а вместо 200 оборотов в минуту—220 оборотов.

То, что первой подняла стахановское движение на телеграфе именно шоринистка, для нас очень большой факт. Это — экзамен не только человека, но и машины, ее практической гибкости и заложенных в ней возможностей. Но это и кусочек советской психологии, нечто вроде «с земляком легче дело иметь». Со своей машиной как-то легче и бесстрашнее оказалось рискнуть перейти пределы. Когда пробег через Кара-Кумы принес победу водителям, у нас много говорили и о победе советской марки машин. Нелишне будет проанализировать каждую победу стахановцев на заводе также и с этой точки зрения своеобразного практического экзамена той или иной машины. Телеграф, например, отчетливо вскрыл — на работе хотя бы тер-

пеливого бодиста Павла Назарова — консервативные и тугие (950 слов при 180 оборотах), но способные победно расшириться (1 386 слов при 210 оборотах) технические свойства Бодо; на примере блестящей организаторши, тремлистки Фени Лапировой, — что сложные свойства Тремля требуют прежде всего правильной организации труда не только в смысле подготовки рабочего места, но и в смысле уничтоженья обезлички, подсчета заработка и т. д., — и тогда эти свойства оказываются легко преодолимыми, и сложный Тремль вместо нормы 1 500 слов начинает давать 2 109 слов в час.

И так со всеми остальными аппаратами: стахановцы, пересматривая их паспорт, перевыполняя нормы, вместе с цифрами неизбежно дали в своей практике и качественный анализ каждой индивидуальной системы машины.

Вторая особенность: на телеграфе выявился имеющий очень большое практическое значенье фактор неодинакового отношенья того или иного работника к той или иной машине, хотя и одной и той же марки. Двух совершенно одинаковых машин нет, в работе каждой есть неуловимая для новичка, но хорошо знакомая для постоянного работника своя плавность хода, свои капризы, и поэтому приноровление данного работника к данной машине участвует в очень большой степени в показателе качества его работы.

Вот что говорит техник связи, стахановка Л. П. Евграфова: «Каждая телеграфистка имеет свой стиль работы, свои особенности. Техник должен знать в совершенстве не только аппаратуру, но и людей. Был такой случай: стахановку Сафронову посадили работать за аппарат. Работа у ней не ладится. В чем дело? Проверяю аппарат, как будто все в по-

рядке. Но тут же я вспомнила, что Сафронова привыкла работать на легкой клавиатуре, а эта несколько тяжеловата. Меняю аппарат, и Сафронова начинает работать нормально».

Эти слова подводят нас к третьей особенности: на телеграфе исключительно четко выявилась творческая связь техника и механика с рабочим-производственником. Стахановцы-телеграфисты ввели в поле зрения техника не только тот аппарат, который он должен чистить и поправлять, но и все живые свойства своей личности, цель работы (перевыполненье плана), стиль своей работы, как выразилась Евграфова. И в результате прежний равнодушный техник, который раньше подходил «чинить» при аварии и отходил, он сейчас душой и мыслями в работе машины, он сейчас участвует в ее борьбе за победу, он начинает изучать машину в ее действии, а значит, в ее тесной связи с работником, а значит, и самого работника, — и техник начинает становиться организатором-изобретателем. Так, на телеграфе простые слесаря выросли на стахановском движении в техников, а из техников в организаторы и усовершенствователи труда, в изобретатели. И так родилась на телеграфе особая форма «спаренности», когда телеграфистка и техник как бы срастаются в одну производственную единицу, когда родится новая форма дружбы, вроде дружбы Маруси Гузеевой, бодистки, с замечательным техником И. П. Пронкиным.

И наконец четвертая особенность: на телеграфе исключительно ярко выявился социалистический характер стахановского движения, заключающийся в том, что перевыполненье нормы одного вида труда неизбежно начинает тянуть и другой, связанный с ним вид труда, и потому единственным и одиноким стахановцем в природе социализма быть

нельзя, а стахановец тем самым означает и вызов соседу, вызов соседу соседа и всему хозяйству страны: тянитесь за мной! — как ячейка огромной миллионоклеточной рыбацкой сети.

Почему это особенно ярко выявилось на телеграфе? Понятно! Если лопанье непрочных резиновых сапог на рабочем, роющем в воде котлован под электростанцию, которая должна будет дать энергию заводу искусственного каучука, — не сразу почувствуется во всех своих минусах неисправным и плохим рабочим резинового завода «Треугольник» и ему об этом сразу и знать не дашь, то хорошая работа московского телеграфиста, посылающего, скажем, депешу казанскому, не может не быть тотчас же замеченной этим последним, как не может и его не потянуть к улучшенью.

Назаров, бодист-стахановец, поставил у нас рекорд, он 26 ноября всю смену давал 1 386 слов в час на связи Москва — Казань. На следующий день, 27 ноября, у нас же и на той же связи работала Голубева, догоняя Назарова, и дала 1 356 слов в час. И вот, по окончании смены, из глубины эфира, далеко-далеко, из красочной столицы Татарии, из города Казани, где Ильич начал когда-то свою университетскую учебу, — доносится вдруг до нее голос неведомого казанского телеграфиста. Он передает на этот раз не чужие слова. Он передает свои: «Справок нет. Работа замечательная».

А сейчас, заканчивая краткий отчет о первой победе моих избирателей, я вспоминаю, что ведь и мне надо дать телеграмму.

Мысленно я сажусь за Бодо... нет, за Шорина... нет, лучше за трудный Тремль и выстукиваю на клавиатуре по буквам:

«Известия братьям Тур Стойкая-то старуха постояла за себя братцы привет точка».

Глава VIII

НЕДОСТАТКИ НАШЕЙ РАБОТЫ

1

Одна из самых активных депутаток в нашей группе, тов. Каменькович, выступила как-то на бюро секции с докладом. Я спросила соседа, о чем она говорит, и он мне записал в тетрадь: «Она критикует нашу работу, что не доводим до конца и не проверяем, каковы результаты».

В этих словах — самая точная формулировка самого главного недостатка депутатской деятельности. По сути, как будто, депутат может все. Он — член советского правительства, хозяин города. А фактически — как это осуществляется? Когда читаешь «горсовет сделал то-то», «горсовет провел то-то»,— мысленно делишь эту цельную единицу, горсовет, на число его депутатов, получаешь мелкую дробь, скажем одну сотую, и говоришь себе: а ведь эта одна сотая должна была сделать одну сотую того дела, которое провел или произвел горсовет. Как же она ее сделала, в чем ее работа, какими формами, путями, способами производилась эта работа, ведь не

тем только, что одна сотая сидела среди девяноста девяти сотых на пленуме, и регистратор отметил в списке ее «аккуратное» присутствие?

Депутатская деятельность распадается на две части. Первая — в стенах самого Совета, вторая — за его стенами.

В Совете все как будто ясно. Вы извещаетесь специальными повестками и ходите на свою бригаду, на свою секцию, на бюро секции, на пленум в здании Совета, на выездной пленум. Вашу явку отмечают, ведут счет вашим выступлениям. Повестка дня всегда точно указана. Если речь идет о пленуме Совета, вы снабжаетесь печатным материалом. Несколько раз в год почта приносит вам бандероли с протоколами заседаний Совета и горисполкома, с хозяйственным планом на такой-то год, с городским бюджетом на такой-то год, с брошюркой по такому-то, наиболее важному, вопросу.

Если вы депутат активный, интересующийся, вы эти брошюры внимательно просматриваете и всегда в курсе того, о чем на пленуме говорится и что для города делается, а при желании подтолкнуть что-либо или оспорить вы вооружены и цифрами, и возможностью ссылки на источник.

Если же вы депутат мало активный, занятый своим делом, вам все же улыбнется съездить раз-другой на выездной пленум, где вам поднесут знакомство с каким-нибудь вопросом в приятной оболочке массовой экскурсии. Был у нас такой выездной пленум на Потылиху, где депутаты обошли кинофабрику, выслушали доклад об ее производственном плане, просмотрели выпускаемый ею фильм и тут же, своими глазами и ногами, убедились, как туда срочно необходимо заасфальтировать дорогу, форсировать строительство моста, помочь материалом. Раз-

говоры велись за обедом, депутаты снялись в группе, и кое-кто получил в подарок куколку — из мультипликационного фильма о Гулливере. Был выезд и в Парк отдыха и культуры, где после осмотра парка депутатам обещан был в Зеленом театре «Тихий Дон» (на этом пленуме мне быть не пришлось).

Такие выезды на фабрику, на предприятие, во всей их внешней приятности, имеют огромное деловое значение, — они сближают между собой депутатов, сближают депутатов с людьми предприятий, дают опыт массовых обследований, наглядно знакомят с нуждами, и притом не одного только выделенного на эту цель депутата, а всех сразу.

Но заседания, пленумы и ведомственная литература — все это, в конце концов, не очень новые вещи. А вот самостоятельная работа депутата за стенами Совета — это уже совсем новая вещь, даже формально, и хорошо было бы изучить ее не на одном-двух примерах, а на всей деятельности хотя бы нашего последнего до новой Конституции созыва.

Представим себе, что мы и решили ее изучить. Мы приходим в комнату нашей секции и просим дать нам для этого материалы. Тогда выдвигается какой-нибудь ящик в шкафу, забитый бумагами, и там — в беспорядке, не сшито, не перенумерованно лежит вся жизнь вашей бригады. В чем она? В набросанных от руки кратких протоколах. В письмах-жалобах, просьбах, заявлениях, присылаемых в данную секцию. В копиях докладов. И, наконец, в так называемых «обследованиях», самой частой и самой обычной форме работы депутата, производимой по письму-заявлению, поступившему в Совет, по решению бригады, иногда по предложению самого депутата. Чаще всего эти обследования проводятся планово:

должен, например, быть поставлен какой-нибудь важный вопрос на бюро (при мне было несколько таких вопросов: о Парке культуры и отдыха, о студенческих городках и др.); отдельным депутатам поручается обследование той или иной стороны этого вопроса; извещается обследуемое учрежденье; и совещание на бюро выливается обычно в такую форму: сперва выступают с докладами представители вызванного учрежденья, потом им навстречу (критикуя, дополняя, суммируя) докладывают депутаты-обследователи, и, наконец, вопрос обсуждается в прениях. Протоколы таких заседаний вместе с листочками обследований (написанных чаще всего от руки и в единственном экземпляре) и представляют собой главный «вещественный след» самостоятельной работы депутата.

Что наша секционная канцелярия не блещет входящими и исходящими, это не так уж плохо. Ведь самый дух работы в Совете, чем дальше он от канцелярщины и дотошной документации, тем ближе к избирателю и его интересам, потому что тем меньше опасности бумажке втиснуться вместо дела и постепенно заменить собой дело.

Но не создавая излишней волокиты в секциях, надо все же помнить, что и в простейшей форме документации и храненья документов можно употреблять разные приемы, плохие и хорошие. Сейчас у нас в ящике смешанной кучей напиханы все бумаги, относящиеся к данной бригаде[1]. А почему не купить несколько грошевых папок, не написать на каждой из них «вопрос об учебниках для высшей школы»; «вопрос о студенческих городках»; «во-

---

[1] В настоящее время наша канцелярия уже приводится в порядок. М. Ш.

прос о физико-техническом оборудовании институтов» и т. п.? Почему не вложить перед содержимым каждой папки листок бумаги, где было бы написано: этот вопрос поручен следующим депутатам и таким-то активистам, две точки и фамилии? Вот когда будут у нас такие папки, а бумаги в каждой из этих папок расположатся в хронологическом порядке, — на ум неизбежно придет та самая мысль, какую просто и горячо высказала депутатка тов. Каменькович: раз положено делу начало, так нужно довести его и до конца. Раз вопрос поднят, нужно его разрешить.

Заметим тут в скобках, что в нашем депутатском лексиконе слово «разрешить» мало популярно. Оно заменено довольно двусмысленным словом «провернуть».

Давайте, товарищи, откажемся от мало симпатичного слова «провернуть» вопрос и будем говорить о разрешении вопроса. И тогда, прочитав бумаги по какому-нибудь вопросу одну за другой, мы к большой своей горечи и досаде увидим, что многие вопросы, занимающие силы и вниманье нашей секции около двух лет, лежат перед нами основательно провернутые, но совершенно не разрешенные.

Для примера остановимся на двухлетней истории со студенческими городками.

2

Москвич, кончавший университет до революции, помнит улицы Козиху и Бронную, где в сырых и грязных квартирах он снимал полкомнаты по зеленому билетику, помнит поиски сожителя, договор с хозяйкой насчет кипяточку, маргариновый чад дешовых столовых и обычное студенческое блюдо — сухую и серую котлету.

Сейчас весь этот «фольклор», с его землячествами, выпрашиванием контрамарок и анархическим учебным сезоном, когда вы сами хозяин своему времени и вольны не посещать ни одной лекции, годами сидеть вечным студентом с фуражкой на длинных волосах и лишь время от времени исключаться «за невзнос платы»,— весь этот фольклор исчез начисто. А на его месте вырос крепкий и сжатый регламентом массовый студенческий быт.

По Москве раскинуто свыше десяти студенческих городков и общежитий, и в них учатся многие десятки тысяч из доброй сотни вузов и втузов. На окраинах, в Лефортове, Усачевке, Дорогомилове, Стромынке, стройные корпуса этих городков вводят особую краску в индустриальный пейзаж. Что-то схожее с рабочим поселком и в то же время отличное от него более сильным духом коллективности в быту: желтые пятна физкультурных площадок, стадионы, дорожки между домами, раздевалки внизу или сторожиха у входа, требующая от вас, если вы посторонний, документ в залог; правила на стене, пестрые щиты объявлений... И с лестниц, на дорожках, на площадках — шумный поток молодежи, разгуливающей об руку, стайкой, редко когда в одиночку.

Не только урегулирован учебный быт, где вы за пять лет научаетесь «мерять время» — самый невесомый и в то же время самый веский предмет в вашей жизни, но урегулирован и домашний быт. Вас приучают к чистоте, изяществу, культуре, стыдят за отсутствие книг, за пыль на полке, вас неустанно, из пятидневки в пятидневку, проверяют, и эта опека и воспитание не очень злят вас, потому что вы сами тянетесь за соседом к чистоте и уюту. Кто-то над вами не перестает думать, кто-то не перестает втягивать вас в общее дело. Там открывают клуб,

здесь улучшились обеды, в третьем, четвертом месте появляются шкафы с зеркалами. И вы чувствуете, как по годам, по месяцам вместе с вами растет и улучшается быт ваш, украшается общежитие, повышаются вкусы и потребности... Но здесь — стоп. Все это резко отделяет анархическое прошлое от строгого настоящего. А если сравнивать не до и после революции, если забыть старый мир, а взять только новый, то тут-то и начинается «дело о студенческих городках».

Около двух лет назад Моссовет произвел обследованье студенческих городков, и то, что обнаружилось при этом обследованьи, вынес на президиум,—мера, предпринимаемая в самых важных случаях.

Мы уже знаем, что в Москве около сотни вузов и втузов. Хозяин у них не один. Кроме Наркомпроса и Наркомтяжпрома, есть и другие ведомства, в «систему которых», как принято говорить, «входит» тот или иной вуз. Эти ведомства и должны отвечать за материальную сторону общежития.

Но первое, главное зло, обнаруженное Моссоветом,—это разбросанность студентов одного и того же вуза по разным студгородкам. Одно дело—руководить общежитием, где все твои студенты, другое дело—руководить комнатами по десятку общежитий в десяти концах Москвы. Студенты расселяются в городках очень часто не по производственному признаку (ближе к месту учебы), а потому, что вообще нашлось место.

Но только ли студенты населяют эти городки? По данным прошлогоднего обследования выяснилась огромная засоренность студенческих городков посторонними лицами,— и это второе зло. Вот, для примера, только две справки: по Лефортовскому городку таких лиц проживало 101, занимали они 39

комнат с общим метражем 537. А в центральном студенческом городке 255 посторонних людей заняло 63 комнаты на 1140 с лишним метров.

Что это за посторонние люди, раскрывается иногда не без комизма. Трех бывших парттысячников, окончивших университет и поступивших на службу, но оставшихся жить в одном из студенческих общежитий Наркомпроса, начала выселять милиция. Тогда обиженные парттысячники потребовали: уж если нас, так, пожалуйста, их тоже! И в жалобе Моссовету указали на несколько крупных работников Наркомпроса, занимающих в том же «общежитии» квартиры с такими площадями, как 91 кв. метр на семью в три человека, 84 кв. метра на семью в 4 человека и т. д.

Разбросанность и засоренность, естественно, привели к плохому обслуживанию городков, — и это третье зло. Плохие заведующие, частая их смена, беспризорность детей студентов, недостаток яслей и детсадов, почти полное отсутствие культмассовой работы, — таково неприглядное хозяйство студгородка.

Изучение, обследование, знакомство кончены, меры для всех ясны, программа действий выработана. Что же дальше?

Со дня постановления президиума о студенческих городках прошел целый год. И снова на бригаде высшей школы, и снова в мае (к концу учебного года) ставится тот же вопрос. Перед депутатами — группа студентов, это культработники городков. Вот точный, толковый Петросян, будущий военный химик; в его коротких словах встает цельный образ Дорогомилова, где живут студенты тридцати пяти институтов. Тридцать пять, а над культработой хозяина нет, институт посылает к ГУУЗу (Главному управлению учебными заведениями), ГУУЗ посылает к институту, средств дается мало, бытового корпуса

нет, детишки студентов беспризорны. Вот бойкий и маленький, как воробей, представитель Всехсвятского; он часто закусывает губу, трясет шевелюрой, закладывает по-наполеоновски руку за борт: «Никакого руководства культработой, ставят в культурники неподходящих людей... хорошо—я попался, приличный работник...» И смеются вокруг, а депутат добавляет к этой скромной речи,что для культработы нет помещения (барачный сарай на 200 душ при 4 000 студентов), бытового корпуса нет, общей столовой нет.

Чем дальше, тем гуще краски. В Алексеевском городке на 13 000 студентов половина корпусов не канализирована, нет стадиона, нет технических библиотек, и вместо клуба — крохотное помещение на 120 человек, занятое, вдобавок, школой танцев и курсами по подготовке продавцов. В Лефортове на 7 000 студентов (из 48 институтов) нет бытового корпуса, грязная столовая, нет прачечной. В Усачевке вместо клуба — небольшая комната, где три биллиарда, рояль, патефон, читальня, шахматы, танцы — и все это изобилие под одним потолком, на потребителя с крепкими нервами. Не подвел и Трифоновский городок. В нем — вот удача! — есть клуб! И даже есть директор клуба, по фамилии Коробкова! Но «директор» Коробкова исправно получает жалованье, берет путевку в санаторий, а работы ее за семь месяцев никто не видел, и заставить ее работать никто не смог, и даже снять ее с этой несуществующей работы никому не оказалось под силу.

Почти все доклады совпадают в одном: много хозяев — и нет хозяина; много студентов — и нет бытового корпуса (помещений для культнужд); много задач — и нет денег; много людей — и нет людей, а там, где они есть, их трудно снять, так иногда крепко сидят плохие работники.

Что же это значит? Почему за год — при наших кривых роста — студенческие городки так недалеко уехали? Почему рокочет взволнованный голос проф. Бутягина о том, что он «поражен, как это в 1936 году, когда поднялось требованье на культурные кадры, когда миллионные массы дают все больше заявок на культурное обслуживанье, ГУУЗ ухитрился не увеличить, а уменьшить кредиты на культработу»? Почему гневная филиппика проф. Цыдзика обрушивается на растерянного человека в углу комнаты? И кто этот растерянный человек?

Растерянный человек в углу — это фикция, вернее, мертвая душа. Это взятый наспех, — должно быть, застрял дольше всех в канцелярии, не успевши схватить фуражку с гвоздика, — Иван Иванович Икс-Игрек, которому, взяв его за пуговицу, технический секретарь ответственного секретаря ответственного лица напел умоляюще:

— Послушай, сходи, пожалуйста, по этой повестке, Моссовет покою не дает, узнай, что там такое.

И бедный Иван Иванович, в ведении которого, может быть, бак с кипяченой водой или взятие железнодорожных билетов для командировочных, в тихой дрожи сидит среди профессоров и академиков, колупает пальцем бородавку на подбородке под душем грозных и непонятных для него нападок — и весь мокрый попадает в резолюцию как:

Лицо неответственное, чуть ли не курьер, которое присылается ГУУЗом на вызов Моссовета, не уполномоченное и не могущее ничего ответить ни на один из обращенных к нему вопросов.

Конечно, всем некогда, конечно, все заняты, но если существует бюджет времени, то он должен иметь графу «на управление советской страной». Депутат — хозяин; Совет — орган управления; можно

ли допустить, чтоб организация, в среде которой наверное есть и свои депутаты, отделывалась от вызова в Совет по вопросу, интересующему ее самое, близко ее касающемуся, посылкой «чуть ли не курьера»? Не проще ли представить себе, что эта организация, как только узнала про обсужденье ее дел в Моссовете, обрадовалась, «как маленькая», поспешила на заседание, умеряя пыл желающих: «погодите, товарищи, нельзя всем, давайте выберем пять человек, знатоков вопроса», и, придя на заседание, воспользовалась случаем заткнуть все свои дыры, выпросить у Совета помощи и людьми, и материалами, и резолюциями, объяснить, почему у нее то-то и то-то плохо и не выполнено, пожаловаться при этом на другие виновные организации, на которые Совет мог бы в свою очередь нажать за халатность и нерадивость?

Но получается странная вещь: на вызов карающих, контролирующих, ревизующих органов наши предприятия откликаются гораздо скорее, живее и даже как будто заинтересованнее, чем на вызов органа, желающего им помочь. Причины этого — и в неправильной методике нашей работы, и в недостаточном внимании печати к депутатской деятельности.

Мы знаем, что в жизни ничего не кончается, что тот же наш студенческий городок обрастает все новыми и новыми нуждами, и папка его в Моссовете растет соответственно. Но надо, чтоб по данному этапу дело было точно доведено до конца и чтоб следующий этап развития студгородка всегда начинался с учитыванья доделанного, доведенного предыдущего этапа. Скажем, у нас был в прошлом году разговор о разбросанности студентов одного института по разным городкам и о занятости студенческих общежитий посторонними людьми. Извольте,

начиная новый этап в удовлетворении нужд городка, сперва ответить и довести до сведения каждого депутата: а сейчас, через год, каковы результаты вмешательства Моссовета? Переселены ли студенты? Очищена ли площадь от посторонних? И пока не будет точного ответа и каждый депутат не будет знать, чем и как кончилось предыдущее дело, пожалуйста, не кидайтесь в новые вопросы о культобслуживании студгородка.

Правило о зачитывании работы секции (и каждого депутата в отдельности) не только по тем пленумам или докладам, которые были сделаны, а и по тем конечным результатам, к которым привели пленум и доклад, это правило, если его ввести, сразу научит самого ленивого, как надо работать. Оно должно будет отразиться и в соответствующем ведении бумаг, в ведении регистрации, в характеристике деятельности депутата, то есть в упорядочении нашей канцелярии.

Нужно также, чтоб и Моссовет в целом ввел это правило у себя, посылая нам не только печатные протоколы заседаний, но периодически посылая печатные справки по наказам о том, какие наказы избирателей, по какой секции и бригаде, на какой процент к данному времени выполнены, а какие не выполнены и почему.

3

Со стороны самого мощного общественного органа нашего Союза, который приводит в движенье любого двадцатипудового бюрократа, раскачивает ленивые наркоматы, с корнем вырывает заматерелые «дубы» репутаций, если в них завелись черви,—со

стороны советской печати не было и нет достаточного внимания к работе советов.

Это не безответственное обвиненье, брошенное на ветер.

Возьмите комплекты наших центральных газет за два года, проглядите все, что там есть о Моссовете (а за кругом его лежит ведь огромная деятельность многочисленных наших гор- и сельсоветов, имеющая свои слабые и сильные стороны, свои, мало известные широкому читателю особенности и свое, очень ничтожное отражение на страницах местных газет!),— и вы увидите, что даже в связи с опубликованием проекта новой Конституции наша публицистика по вопросам работы Советов не оживилась, как следовало бы. Общих статей о работе Совета, характере этой работы, конкретных примеров ее вы почти не найдете. Хроника советской работы как таковой сведена чуть ли не к нулю. Я это на своей шкуре испытала, когда после пленумов ночью ездила в редакцию, чтоб втиснуть, словно бедного родственника, короткохвостую заметочку о состоявшемся пленуме куда-нибудь, «между делом», по своей инициативе умоляя и выпрашивая место для этой, мало уважаемой в редакциях хроники. Лучшие, блестящие наши журналисты, члены Моссовета, — где они дали хотя бы одну статью о депутатской работе?

Если так обстоит в больших газетах, то еще хуже в своей печати. Советы имеют свой периодический орган, но мало кто из депутатов его видел, а широкие массы и вообще его не читают. Что в нем печатается? Для кого? Не превратился ли он в ведомственный печатный архив, имеющий обращенье в тесном кругу семьи, то есть среди служащих Совета, для которых четыре стены Совета — это прежде всего учреждение, место службы?

В сборнике «Городской совет», составленном в Институте советского строительства и права при Комакадемии в 1935 году, очень деловом и скромном по тону, в статье тов. Г. С. Михайлова есть такая фраза:

«Существенным вопросом является обеспечение всех работников горсоветов необходимой литературой, и популярной и специальной, причем с первой дело обстоит особенно тяжело, как и с обслуживанием горсоветской работы периодической печатью, которая зачастую уделяет мало внимания работе горсоветов» («Город и Городской совет», стр. 23).

Эту фразу надо возвести в квадрат, в куб, лишив ее деловой застенчивости научного работника, чтоб получить более или менее точную картину недопустимого равнодушия печати к советской работе.

Мне могут возразить ссылками на статьи о реконструкции Москвы, о перерайонировании Москвы, на несходившее со столбцов газеты метро — как на активную помощь печати большим работам, предпринятым Моссоветом. Но киты, когда плывут, сами выбрасывают свои «большие фонтаны». Речь идет у нас не о больших китах, речь идет о повседневной депутатской работе, о жизни, духе, стиле, содержании советского депутатского дня, о множестве задач, разрешению которых красочная заметка в газете могла бы помочь больше, чем три пленума, о воспитании работника Совета при помощи печати так, как это, например, делала и сделала печать в отношении железнодорожника.

Депутат Совета — центральная фигура советской системы, она не может не интересовать печать. А работа депутата во всем разнообразии ее приемов, во всей конкретности выполняемых дел — разве это не материал для газетного рассказа, — вся-

кая работа, плохая и хорошая, такая, по которой надо учиться, как нельзя работать; и такая, по которой следует поучиться, как вести работу?

У нас есть среди депутатов люди большого делового опыта и такта, накопившие немалый багаж, и если б эти люди рассказали, как они провели хотя бы одно порученное им дело, добившись удачного конца, и какие при этом были препятствия, и как они с этими препятствиями справились, такая книга была бы лучшей агитацией за оживление советов и лучшим пособием для повышения качества депутатской работы.

Надо, чтоб редакции ввели отдел «трибуна депутата» и поставили его так же интересно и живо, как «трибуну стахановца». Пусть в этом отделе избиратели жалуются на нерадивых депутатов, депутаты рассказывают о той или иной интересной работе, секция подтягивает учреждение, пославшее к ней курьера, и даются хотя бы поквартальные сводки о ходе выполнения наказов. И еще не плохо было бы, если б Моссовет, силою своих журналистов, писателей и печатников, избранных в депутаты, наладил и поставил хорошую, жизненно яркую, боевую газету, быть может, и не только моссоветовскую, но охватывающую работу главнейших советов в стране, городских и сельских.

Тогда мы сумеем справиться и с третьим недостатком в нашей работе,— неясностью и нечеткостью методики работы депутата вне стен Совета, недостаточным пониманием им того, в чем же заключаются его депутатские права и обязанности и как их осуществлять.

Но это и сам по себе очень большой вопрос, и о нем надо рассказать на примерах. Ему я и посвящу последние странички моего дневника.

Глава IX

КАК НАМ РАБОТАТЬ?

Мы приходим в Совет людьми разных профессий — токарями, летчиками, уборщицами, профессорами, работниками прилавка, писателями, командирами, домашними хозяйками. Каждый из нас умеет делать хорошо что-нибудь одно и разбирается в этом одном лучше, чем в другом. Он выбирает себе секцию и бригаду по душе и способности, узнает в общих чертах порядок депутатского режима и дальше показывает себя, какой он депутат, активный или пассивный. Есть хорошие и плохие активные депутаты. Есть хорошие и плохие пассивные депутаты.

Хороший активный умеет работать самостоятельно. Вот вы ходите по улицам и часто краешком глаза, не особенно раздумывая над этим, видите какое-нибудь новшество: парусиновые зонты над окнами, сквер, где его не было, асфальт, где его не было, глядишь, под ногами милиционера выскочил светящийся бугорок, которого раньше не было, такси стали приличней, кондукторша перестала коленкой выгонять вас из вагона, фонарь засветился над темным переулком,— кто все это делает, неустанно, изо дня

в день заботясь о вашем благе москвича и гражданина? Заботится частью и Моссовет, причем на долю активности депутата или целой бригады тут падает очень много.

В нашей секции мне запомнился облик хорошего активного депутата, Надежды Яковлевны Брюсовой. Когда, после торжественной части, на одном из праздников в Большом театре, должна была быть показана «самодеятельность масс», я услышала ее голос: «Поглядим!» и увидела ее жест человека, глубже и уютнее уходящего в кресло. И в этом голосе и жесте культурного музыкального деятеля, хорошего и привычного общественника мне почудилась интонация агронома, выходящего в поле: «А ну, поглядим, каков нынче урожай», после долгой, незаметной и кропотливой работы удобренья и подготовки земли.

Хороший пассивный депутат самостоятельных шагов не делает, но всякую данную ему работу выполняет не формально и бездушно, а старательно и оригинально, с вложением в нее себя самого и всех своих личных особенностей. Он не вносит предложений, не борется за собственную, возникшую у него мысль, как победить, скажем, беспризорность, не думает ночами, пока у него эта мысль не мелькнула. Но повестка на пленум, но звонок по телефону, — чем бы ни был он в эту минуту занят, — тотчас же переключают его на сознанье своей депутатской обязанности. Он готовно и с удовольствием выслушивает, что секция поручает ему такое-то обследование, откладывает свои дела и выполняет это обследование «с душой».

Три года назад я была свидетельницей одной такой работы хорошего пассивного депутата, писателя Александра Георгиевича Малышкина. Мы были с ним соседями по комнатам в голицынском «Доме

творчества писателей». Из Москвы ему дал знать Моссовет (Малышкин работал тогда в железнодорожной секции) о том, что надо обследовать быт железнодорожных сторожей по обе стороны полотна от станции Голицыно и представить отчет.

Был, помню, очень морозный, ярко солнечный день. Малышкин тотчас же вышел в валенках и шубе, пропадал часа четыре, и за обедом мы увидели его очень возбужденное, красное от мороза лицо. С интонацией хорошего рассказчика, помогая жестом и мимикой, он нам живо рассказал и о том, как шел вдоль шпал в тишине этого зимнего дня, и какая была первая избушка: сама хозяйка — кривая. Малышкин обождал немного; дочь ее подошла, — кривая, — и когда он заговорил о новой подошедшей девочке, мы уже насторожились — так и есть, она тоже была кривая, и у них, оказывается, все в избе шло криво: грязь, клопы, сени запущенные, полотенце год не стирано, хлебать нечего — на столе одно сухоеденье. Малышкин рассказал дальше о второй избушке, где был здоровенный парень с гармонью — и горка взбитых пуховых подушек, занавески на окнах с вышивкой, пирог в печи и сытый кот в сенях. Когда я хотела было возразить, нельзя же связывать неряшливость с природной бедой — кривоглазием, а гармонь с аккуратностью, он возбужденно затвердил: «Да, да, да, именно так, только так я и воспринимаю вещи!»

Не знаю, так ли он подал свой отчет (надеюсь, что так), но это было именно редчайшее, личное восприятие художника, то, что сделало его обследовательскую работу ценной и непохожей на другие работы, и, как это всегда бывает в искусстве, здесь было заложено, конечно, больше правды и ясновиденья, нежели в сухом банальном отчете, и образы,

данные им, могут быть хорошо использованы агитационно, расшифрованы и под углом зрения наркомздравовским (кривоглазие часто приобретается в детстве от загрязненья, паденья, удара, в семье неряшливой и озлобленной) и под углом зрения наркомпросовским (организующее влиянье музыки на быт).

Плохой активный депутат — тот, кто начинает и не кончает, суется с нежизненными предложеньями, путает работу. Многие из нас грешат этим в начале работы, а иногда и весь созыв.

Как пример такой плохой работы могу привести мое собственное обследование школы № 21 БОНО для тугоухих и глухонемых. Начать с того, что я не сумела вести его беспристрастно: у меня сразу сложилось предвзятое мненье, что в этой школе (где учатся дети нормальные, тугоухие и глухонемые) родители недовольны некоторыми привилегиями, выпавшими при советской власти на долю тугоухих, и обижают этих последних. Я не пошла, во-вторых, в этом деле до конца. Случай столкнул меня с очень своеобразной организацией (обучение глухонемых), — бывшей до революции в ведомстве старухи-царицы Марии Федоровны, — засоренной людьми самого сомнительного, самого опасного сорта до-отказу и как-то уцелевшей после революции, благодаря своеобразию своей техники и недостатку специалистов, почти в нетронутом виде, под руководством лиц, воспитанных и поставленных старым режимом. Очень странные слухи, разговоры и «подноготные» дошли до меня. Но вместо того чтоб не слушать их вовсе или слушать уже не как депутат, а как журналист, проверить и дать им ход по линии печати, я остановилась на полпути, внесла подозрительные слухи в свой обследовательский депутатский отчет и на этом успокоилась. И

сейчас, когда встречаю где-нибудь школу глухонемых, она встает передо мной «глухонемым» укором, и у меня начинает краснеть лицо от мысли о своей плохой, не доведенной до конца работе.

Плохой пассивный депутат появляется в Совете лишь для декорума, послушать с пятое на десятое, получить отметку о приходе, покурить в коридоре и через две минуты исчезнуть. Мне думается, звание депутата не следует давать только за то, что человек высоко забрался по советской службе. Он может быть отличным работником у себя, и он плохой депутат. И выбирать надо не для красоты пленума, а для депутатской черной работы, как, вероятно, и будут унас делать по новой Конституции.

Чтоб быть хорошим депутатом, необходимо помнить два главных урока, извлекаемых из неудачных работ.

Первый урок в том, что вести начальную работу, поручаемую депутату, — обследовательскую, — надо методически правильно. Обследовать можно по-разному. Один привык к финансовому контролю, он во всем будет видеть только расход и перерасход; другой станет искать в обследовании — сенсацию, Америку, открытие; третий — непременно политику, непременно идеологию; четвертый — а нет ли вредительства и т. д.

Нужно помнить, что обследование советское не похоже ни на какое другое и имеет свою методику, вытекающую из цели: для чего? Поступила жалоба на то-то и то-то; идите и проверьте, так ли это. Учтите все, весь круг обстоятельств, которые тут могут играть роль, но помните, что вас послали не вообще контролировать учрежденье, а вас послали проверить жалобу избирателей на такую-то неправильность, и больше ничего. Нужно, на-

пример, вынести полное представленье о том, что делается в данной больнице. Идите и обследуйте ее всесторонне, но вы пришли не судить больницу, не карать и миловать, а точно узнать положенье вещей, для того чтоб городской Совет мог избрать верный путь для помощи этой больнице.

Иначе сказать, методика обследования депутата Моссовета не должна походить на методику журналиста, прокурора, члена Советского контроля, работника НКВД. Она имеет свой стиль, стиль обследования члена Совета, практическая цель которого — выполненье наказов своих избирателей.

Но в пределах этой депутатской методики каждый может быть глубоко самостоятелен и оригинален, работа и отчет писателя ни в коем случае не должны походить на работу и отчет металлиста, фармацевта, уборщика. Именно в том, что каждый вносит свое, выбирает и выполняет работу по силе и умению, — и лежит залог реальности и нужности такой работы для общего блага. Плохой организатор пусть не суется организовать, деловой практик пусть не стремится писать поэмы, и поэт пусть не набирает воды в рот и не учится изо всех сил излагать суконным языком суконные мысли, в подражание казенному штампу.

Но, — и это второе правило хорошей активной работы, — за что бы ни взялся депутат, он должен взглянуть на свое дело, как на ребенка, которого обязуется вырастить до его совершеннолетия, да и позже не раз справиться, как он, милый человек, живет-может. Пусть попробует завести вот такое дело-ребенка, и он увидит, как привяжется к нему, как будет гордиться его успехами и стыдиться его неустройств.

В первые дни своей депутатской работы я зашла

как-то в чужую секцию, пищевую, и предложила открыть в Москве вегетарианские столовые, уже несколько лет как бесследно исчезнувшие.

Тов. Микоян очень красиво и остроумно говорил о мясе и консервах. Но чем у нас сытнее, тем сильнее опасность от неумеренности в еде, от гурманства, от привычки есть вне режима, — тут пирожок, там пивца, здесь мороженое-эскимо или бутерброд с икрой, или кулебяку с вязигой — эти увлекательные тропиночки к унылой подагре, — и поэтому не меньше красок надо положить и на пропаганду безвредного витаминозного молочно-овощного стола, с его салатами, винегретами, пудингами и запеканками.

Пищевая секция ответила мне, что дело это — гиблое, что вегетарианцы в царское время напустили идеологии, чуждой марксизму, что постные лица этих идеологов как-то не подходят к общему фону страны, где стало жить лучше и веселее, и что вообще при ресторанах есть кроме мясных блюд два-три овощных на любителя.

Я обошла рестораны, попробовала эти любительские блюда. У старой французской детской писательницы мадам Сегюр была такая книжка: «Жан, который смеется, и Жан, который плачет». Так вот, в мясных ресторанах мясные блюда оказались приготовленными, как Жаны, которые смеются, а овощные — как Жаны, которые плачут. Я пошла в «Правду», там был в это время прекрасный обычай печатать передовицу по быту (колонку без подписи на третьей или четвертой странице, посвященную больным вопросам материального быта). Написала передовицу «Вегетарианская столовая». «Правда» ее напечатала. И такова действенная сила печатного слова в центральном органе нашей партии, что уже дело «само пошло». В

Ленинграде открыты были вегетарианские столовые. Открылись они и в Москве.

Одна из них как раз напротив того дома, где живу (в проезде МХАТ), и я стала туда ходить раза два-три в месяц, обедать, смотреть и прислушиваться, читать жалобную книгу и писать в нее, беседовать с заведующим и посетителями и называть про себя это, честно говоря, еще очень неуютное помещение, неряшливое и нелюбимое обслуживающим персоналом, но буквально осаждаемое посетителями, как ни одна мясная столовая, до такой степени велика нужда в овощном столе, — называть его про себя: «Мое подшефное детище». Никто не делал его моим подшефным, но я, депутат Моссовета, сама его себе сделала и буду присматривать за ним в оба глаза, хотя оно и вне моей секции.

Не совсем уверена, правилен ли такой подход, можно ли работать настолько независимо, чтоб не писать отчетов и докладов в соответствующую секцию, но одно тут несомненно правильно: нужно начатое доводить до конца и длительно интересоваться, что с ним потом.

И есть еще одно чувство или сознанье, которое депутат должен пробудить и воспитать в себе. На нем и закончу.

Осенью 1932 года в маленьком немецком городишке Меересбурге, на Бодензее, мне повстречалось нечто странное — возок не возок, фургон не фургон. Серый ослик тащил за собой домик на колесах с размалеванными стенами. Старая, у нас уже вышедшая из употребления, витиеватая готика полустертого непогодой немецкого шрифта извещала о четырех гамбургских музыкантах, бродящих по миру «в поисках счастья». На осле, поджав хвост, тряслась небольшая собачка, на собачке — белый пятнистый кот,

а на коте петух. Сами же «музыканты», несколько молодых людей с синеватыми от ветра и голода лицами, шли рядом, помогая ослу. Это немецкая народная сказка вышла на улицу, чтоб пропитать несколько безработных. Десять пфеннигов за открытку, изображающую домик на колесах, — и колеса крутятся дальше по образцовым проезжим дорогам Германии, осел семенит, собака спит на осле, кошка вцепилась в собаку, петух на кошке.

— Знаете, что это такое?—сказал мой спутник, профессор, заплатив десять пфеннигов за открытку. — Но сперва посмотрите вокруг!

Дорога — мимо базарной площади — уходила змейкой вдоль озера. А по дороге слева расположились воздушные домики той легкой, фанерной архитектуры, что напоминает крест-накрест сложенные веточки бумажного змея. Переплеты треугольных чердачков, яркая черепица крыш, поставленных остроугольно, окна, опушенные зеленью и цветами, балконы, как бы выливающиеся рогом изобилия из этих смеющихся построек, уставленные глициниями и астрами; яркий щебень дорожек, щетина букоиков, кактусов, декоративной колючки, там и сям велосипед у стены, садовник в жилетке, красный от усилия. Боденское озеро, одно из прекраснейших в мире по той неопределенности и сглаженности очертаний, какую зовут обычно «поэтической», кипело сейчас на осеннем солнце неслыханной синевой. На базарной площади, где мы стояли, даже случайная кучка навоза казалась живописным nature morte; человек с совочком неспеша подошел и сгреб его и понес, как драгоценность, мимо полотняных оборчатых зонтиков, под которыми ярким фарфором лежали кучки выхоленных, крупных, словно отъевшихся на солнце персиков.

— Знаете, что это такое? — повторил профессор. — Это последний бунт частной жизни. Частная жизнь (Privat-Leben) вышла на улицу, чтоб спасти себя, потому что ей нечего кушать дома и нечем платить за дом. Целое поколение молодых людей, кончивших школу, стало в Америке номадами, а у нас — вот такими голодными оригиналами, загримированными (он засмеялся) под сказку Гримма. Можете вы себе представить, как частный человек обособился от общества?

Этот случай был четыре года назад. Я вспомнила о нем потому, что у нас частный человек все более и более срастается с обществом, и частная жизнь — во всем ее содержании, отдыхе и работе, развлечении и раздумьи, выходе «на люди» и даже одиночестве — насыщается общественной эмоцией.

Советскому депутату, больше чем кому-либо, надо беречь и воспитывать это новое чувство, делающее для него жизнь на людях — как у себя дома — своею.

4/VIII-36
г. Ульяновск

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧИТАТЕЛЬ!

Издательство просит сообщить отзыв об этой книге, указав ваш точный адрес, профессию и возраст. Просьба к библиотечным работникам организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов о ней. Все отзывы и материалы направлять по адресу: Москва, 9, Большой Гнездниковский пер., д. 10, издательство «Советский Писатель».

Ответственный редактор М. Чечановский
Технический редактор А. Чугунов
Корректор Е. Балабан

Уполномоченный Главлита Б-32126.
Тираж 10000 экземпл. С. П. № 123.
Сдана в производство 25 сентября 1936 г.
Подписана к печати 19 ноября 1936 г.
Бумага 72×110 1/32 д. л. Печатн. л. 5 1/4.
Учетно-авт. лист. 7,22. Авт. л. 6,55.
58016 знаков в одном печ. листе.
Полиграф, г. Горький, ул. Фигнер, 32.
Заказ № 8776.

Цена 2 руб. 75 к. Переплет 1 руб. 25 к.